

Статьи и рецензии

Д.П. Святополк-Мирский

Пер. с нем. Т.В. Марченко. Подгот. текста и коммент. Т.В. Марченко,
М.В. Ефимова

Литература русской эмиграции

С некоторых пор Париж очевидно превратился в литературный центр русской эмиграции. Какое-то время его уравнивала Прага, и сегодня еще многие молодые таланты, если они могут взрасти в эмиграции, дают всходы на пражской почве. Недавно, впрочем, дела изменились; с 1928 г. «Воля России», единственный стоящий литературный журнал, выходящий за пределами Франции, тоже переехал в Париж¹. Вне Западной Европы интересные идеологические публикации время от времени появляются на Дальнем Востоке (Устрялов², Сетницкий³). Что касается Америки и прочих стран, то о них и говорить нечего. Несмотря на то, что молодое поколение эмиграции развивает все более бурную деятельность, первенствующее место и поныне принадлежит литературной продукции писателей, составивших себе имя еще в России. Старшие группируются вокруг журнала «Современные записки», охотно печатающего произведения известных писателей и держащего глухую оборону против молодежи. Эта политика немало способствует распространению взгляда, будто эмиграция в литературном отношении совершенно бесплодна. Только в последних выпусках журнала всплыли неизвестные прежде имена⁴.

Из сочинений «знаменитостей», недавно появившихся на страницах «Современных записок», в первую очередь следует назвать «Жизнь Арсеньева» Ивана Бунина (тома с 34 по 36)⁵. Роман подан как автобиографический, и тем он особенно важен для уяснения социальных корней автора «Суходола», повествующего о стремительном разложении дворян русского Черноземья. Однако о художественных высотах «Суходола» в «Жизни Арсеньева» нет и помину: слишком велико расстояние от бунинского расцвета до теперешнего Бунина. Вместо поэтически мощного, «симфонического» созидания здесь ца-

рит рыхлая бесформенность, еще и приумноженная обильными метафизическими излияниями. И все же этот роман, такой подлинный и живой, к тому же свободный от фатального для Бунина романтического вымысла («Митина любовь»), на мой взгляд, является одним из самых значительных среди его послереволюционных произведений⁶. Иван Шмелев, после Бунина самый выдающийся из знаменитостей, завершил в 35-м томе свою «Историю любовную», к которой мы еще вернемся⁷. Еще один роман из круга известных писателей — «Сивцев Вражек» Михаила Осоргина (Париж, 1928)⁸ — лишь утверждает в убеждении, что писатель — способный, но лубочный журналист и еще не дорос до писательского мастерства. Из произведений более молодых прозаиков, которым журнал предоставил страницы, стоит отметить неожиданно сильный и в хорошем смысле «жестокый» рассказ «Зоя Андреевна» Нины Берберовой⁹. Менее привлекателен рассказ «Планида Козий Рог» Иосифа Матусевича¹⁰ — второклассное подражание провинциальным гротескам Ремизова и Замятина.

Несравненно больше места предоставляет молодым прозаикам журнал «Воля России», который наполняет свой литературный раздел почти полностью молодыми эмигрантами, пражанами по преимуществу. Первое место — не по ее достоинствам, а по размеру — отдано повести Василия Федорова «Финтифлюшки» (1928, № 3/4)¹¹. Это интересно задуманное, но крайне неуклюжее повествование о некоем Кукурекине, простачке и неудачнике, бесхитростном совмещении Кандида и лесковского Перегуда из рассказа «Заячий ремиз». Автор повествует о его приключениях до и после революции, а потом в эмиграции. В целом повесть не удалась, поскольку избранной теме не отвечают литературные приемы писателя, и прежде всего язык повествования, который напоминает не столько о Лескове, сколько о Зошенко. С рассказами выступили Гайто Газданов («Товарищ Брак», № 2)¹² и Виктор Экерсдорф («Случай с Владимиром Ивановичем», № 6)¹³. «Товарищ Брак» — претенциозная, но не без размаха написанная история провинциальной барышни, примкнувшей к анархистам. В «Случае с Владимиром Ивановичем» ощущается настоящее безумие, воздействие которого тем сильнее, чем проще обыденный, нарочито непритязательный стиль повествования, хотя и не всегда выдержанный. Рассказ задевает, хотя сразу и не понять, то ли в нем сказалась мода на психологизм, то ли просто работа в определенном художественном направлении не доведена до конца. В последнем случае следует исключить немотивированную фантастику и считать рассказ своего рода сюрреалистической новеллой (в ущерб психологии). В общем и целом: эмигрантская беллетристика начинает пробуждать

небезосновательные надежды, однако ее нельзя рассматривать как нечто самостоятельное. К тому же сомнительно, что она способна достичь «множества в единстве» и, благодаря обретению общего лица и общего социального задания, отметить печатью какой-либо общности разнообразные литературные искания.

Для эмигрантской литературы довольно типичны пограничные художественные формы между вымышленными и подлинными историями: воспоминания и документальная очеркистика. В прошлом году появились новые публикации этого типа. М. Алданов, корифей исторической полубеллетристики, выпустил книгу под названием «Современники» (Изд-во «Слово», Берлин)¹⁴, которую следует оценить гораздо выше, чем его романы, куда более тщательно выделанные, однако совсем незначительные в художественном отношении. В книге помещены портреты ряда современных политических деятелей. Изображения политиков иностранных, особенно Клемансо и Людендорфа, выполнены блестяще. Русские фигуры – Сталин, Луначарский, Канегиссер (убийца Урицкого) вылеплены не столь хорошо: автор слишком очевидно теряется перед лицом послереволюционной России. Зато Россию накануне революции, в 1915 и 1916 г., он изобразил в романе «Ключ» (первая глава опубликована в «Современных записках»¹⁵) чрезвычайно достоверно и остроумно; высшие круги петроградской буржуазии предстают в этих зарисовках во всем своем псевдоевропейском ничтожестве. Та же эпоха изображена Георгием Ивановым в его книге «Петербургские зимы»¹⁶. В ней отразились воспоминания о литературной богеме 1910-х гг., собиравшейся в «Бродячей собаке». Книжка забавная и хорошо читается, однако она поверхностна и написана не затем, чтобы должным образом вынести приговор предреволюционной буржуазной культуре.

В поэзии, как и в прозе, заметно увеличивается роль молодого поколения, выросшего в эмиграции, однако молодым поэтам в еще меньшей степени, чем их собратьям в прозе, удалось создать лирическую поэзию зарубежной России. Парижские поэты, публикующиеся уже несколько лет, доросли до сборничка «Стихотворение» (пока вышло два выпуска)¹⁷. Божнев¹⁸, Гингер¹⁹, Вадим Андреев²⁰ пишут формально правильные и вполне изысканные стихи, не обнаруживая при этом ни общего лица, ни собственной физиономии. Иными словами, они лишены значительных, будоражащих тем. В этом отношении предпочтешь порой технически несовершенные, но содержательные стихи кого-нибудь из пражских поэтов, скажем, насквозь наивное стихотворение А. Эйснера о завоевании Парижа конницей Буденного²¹. Тем ярче выступает на парижском фоне личность Ми-

хаила Струве²², поэта старшего поколения, друга и ученика Гумилева и все же «юного» новобранца среди поэтов. У него есть тема, техника и ум. Его социальные стихи (о революции, о возвращении на родину, «Версты» № 3)²³ исполнены благородной патетической риторики; его «Кукла» («Воля России», № 3)²⁴ совсем иначе разрабатывает тему, типичную для поэтов русского Парижа: меонизм²⁵ жизни в чужом и непокорном городе; кукла превращается в человека, а человек, которому она принадлежит, — в куклу. Не так давно в Париже появился поэт, чья личность запечатлена в его стихах и сразу бросается в глаза: Борис Поплавский. Он не опубликовал ни одной книги, и, однако, довольно его стихов (с эпиграфом из Рембо), напечатанных во второй тетради «Стихотворения»²⁶, чтобы тотчас узнать настоящего поэта, которому есть что сказать. Тематика его стихов совершенно «парижская», зарубежная, свободная от русских реминисценций. Тем не менее и в поэзии старшее поколение держит пальму первенства. На сей раз к поэтам следует причислить и Алексея Ремизова. Его сборник «Звезда надзвездная» (Париж, 1928)²⁷, хотя и напечатан как проза, состоит из лирически окрашенных духовных песнопений, которые, несомненно, следует отнести к числу своеобразных стихов Ремизова. Недавно появилось еще одно ремизовское собрание легенд, «Три серпа»²⁸, которые также пополнят сокровищницу его поэзии.

И все же первое место в поэтической (и вообще литературной) продукции зарубежья принадлежит сборнику «После России» Марины Цветаевой, где опубликованы все ее стихи 1922–1925 гг.²⁹ К сожалению, высшие достижения этого периода, «Поэма Горы» и «Поэма конца», не были включены в сборник по формальным соображениям, но и вошедших в него стихотворений достаточно, чтобы признать в Цветаевой крупнейшего (после Пастернака) поэта ее поколения, а годы 1922–1925 отнести к самым плодотворным (пока) в ее писательской биографии. Лишь немногие стихотворения сборника бессюжетны, причем благодаря чистейшему динамизму словесной стихии они невероятно интересны — таковы, например, циклы «Дерева», «Облака», «Окно», с их особенной героико-фонетической мифологизацией внешнего мира (который без подобной мифологизации вообще не существует для поэтессы). Заслуживает внимания также бессюжетное, но в другом роде, стихотворение «Плач цыганки по графу Зубову». Стихотворения сборника группируются, главным образом, вокруг любовной и общественной тем. Особенно сильными в первой группе оказываются те стихотворения, которые проникнуты обычно несвойственными Цветаевой человечностью и состраданием — «Ущелье», «Ахилл на валу», «Ночные места» и др. Но не менее

замечателен «Клинок», напоминающий своим героическим тоном Корнеля. К гражданским стихам относятся циклы «На рельсах», «Заводские», «Хвала богатым» и воистину великолепная «Полотерская», которая по разгулу народно-поэтической стихии может быть поставлена рядом с пушкинским «Царем Салтаном» и некрасовскими «Коробейниками». Помимо этой книги Цветаева опубликовала в прошедшем году три новых стихотворения, которые были написаны в 1926–27 гг. — «С моря»³⁰, «Новогоднее»³¹ («Версты», № 3) и «Попытка комнаты»³² («Воля России», № 5). Большинство читателей ее поэзии не получают от них такой радости, как от книги «После России». Ее динамичное словотворчество выражается здесь в плетении словес, которое не способствует развитию темы, но сворачивает на путь назойливых и мучительных фонетических ассоциаций. И все же не стоит жаловаться на поэта, небрежного в черновой работе; быть может, это грубое вязание слов — только необходимая часть языкового развития поэтессы, которое позже проявится в ее еще более зрелом, чем в 1922–1925 гг., поэтическом мире. Возможно, эти новые структуры уже возникают и проявляются в монументальной простоте «Федры» («Совр. записки», 36–37³³; «Федра» — вторая часть трагической трилогии, первая часть которой под названием «Тезей» была опубликована в журнале «Версты», 1927, № 2³⁴). Тем не менее, и здесь не хватает внутренней собранности, а перехлестывающая словесная стихия не преодолена. Более мощным и живым, хотя и застрявшим все в том же поэтическом кругу словесных смещений и сдвигов, представляется новейшее стихотворение — «Перекоп» в «Воле России»³⁵, первое короткое стихотворение Цветаевой за много лет³⁶.

Оубл.: D. Sv'atopolk Mirskij. Die Literatur der Russischen Emigration // Slavische Rundschau. 1929. April. Bd. 1. № 4. S. 290–294.

¹ «Воля России» — общественно-политическое и литературное периодическое издание (1920–1932). В 1920–1928 гг. выходило в Праге, в 1928–1932 гг. — в Париже. «Воля России» сначала издавалась как газета, с 1922 г. как еженедельный журнал, с 1925 г. как ежемесячник. См.: «Воля России». Систематический указатель статей, помещенных в «Воле России» за 1922–1926 гг. Прага: Славянское издательство, 1927; *Зверев А.М.* «Журнал политики и культуры»: «Воля России» // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература: РЖ. Сер. 7: Литературоведение. М., 1996. № 4. С.89–106; *Федоров М.В.* Редакция журнала «Воля России» в 1922–1932 гг. // Путь России и судьба историка: к 80-летию профессора В.А. Кутузова. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет; Институт истории, 2015. С. 105–118.

² Устрялов Николай Васильевич (1890–1937) – русский философ, политический деятель, основоположник сменовеховства. С 1920 г. жил в Харбине, в 1926–1935 гг. работал советником на КВЖД. В 1935 г. вернулся в СССР, в 1937 г. арестован и расстрелян. См.: *Романовский В.К.* Жизненный путь и творчество Николая Васильевича Устрялова (1890–1937). 2-е изд. М.: Русское слово, 2009; *Устрялов Н.В.* Письма к П.П. Сувчинскому. 1926–1930 / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. К.Б. Ермишиной. М.: Дом Русского Зарубежья им. Александра Солженицына, 2010.

³ Сетницкий Николай Александрович (1888–1937) – русский философ, последователь Ф. Федорова. Окончил отделение восточных языков Петербургского университета (1913). В 1925–1935 гг. жил в Харбине, работал в Экономическом бюро КВЖД, преподавал на юридическом факультете. Совместно с А.К. Горским издал книгу «Смертобожничество» (Харбин, 1926). В 1935 г. вернулся в СССР, в 1937 г. арестован и расстрелян. См.: *Горский А.К., Сетницкий Н.А.* Сочинения. М.: Раритет, 1995. (Библиотека духовного возрождения); *Макаров В.Г.* Русский философ Николай Сетницкий: от КВЖД до НКВД // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 136–157.

⁴ В 1926 г. Мирский опубликовал сопоставительный обзор «Современных записок» и «Воли России», вызвавший ожесточенную полемику в эмигрантской прессе: *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] «Современные записки» (I–XXVI, Париж 1920–1925 гг.). «Воля России» (1922, 1925, 1926 гг. № I–II. Прага) // Версты. 1926. № 1. С. 206–210. Републиковано в: *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937 / Сост., подг. текстов, коммент., мат-лы к библиографии О.А. Коростелева и М.В. Ефимова; вступ. статья Дж. Смита. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 141–144. О полемике вокруг статьи см.: Там же. С. 439–442.

⁵ *Бунин И.* Жизнь Арсеньева // Современные записки. 1928. Кн. XXXIV. С. 7–75; 1928. Кн. XXXV. С. 5–72; 1928. Кн. XXXVII. С. 5–56. Мирский не точен: в кн. XXXVI «Жизнь Арсеньева» не публиковалась.

⁶ См.: *Ефимов М.В.* К рецепции творчества И.А. Бунина в эмиграции: Д.П. Святополк-Мирский // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Том 70, № 6. С. 44–57.

⁷ *Шмелев И.* История любовная // Современные записки. 1927. Кн. XXX. С. 5–63; 1927. Кн. XXXI. С. 5–70; 1927. Кн. XXXII. С. 19–84; 1927. Кн. XXXIII. С. 27–91; 1928. Кн. XXXIV. С. 76–135; Кн. XXXV. С. 73–127. Далее в тексте Мирского о романе и о Шмелеве не упоминается.

⁸ *Осоргин М.* Сивцев Вражек (отрывки из романа) // Современные записки. 1927. Кн. XXXIII. С. 154–190; 1928. Кн. XXXIV. С. 136–184. Отд. изд.: *Осоргин М.* Сивцев Вражек. Париж: изд. кн. маг. «Москва», 1928.

⁹ *Берберова Н.* Зоя Андреевна // Современные записки. 1928. Кн. XXXIV. С. 185–210.

¹⁰ *Матусевич И.* Планида Козий Рог // Современные записки. 1928. Кн. XXXV. С. 201–235. Ср. с другими отзывами: «довольно “дубовое” подражание таким же дубовым образцам из второсортной российской словесности» (*Иванов Г.* «Современные записки». Книга XXXV-ая // Последние

новости. 1928. 31 мая. № 2626. С. 3); «Повесть Матусевича “Планида Козий Рог” читается легко. Это – лубок, немножко под раннего Достоевского, умело сфабрикованный, но именно *сфабрикованный*» (Зайцев К. Критические наброски: «Современные записки» [№ 35] // Россия. 1928. 26 мая. № 37. С. 5, курсив Зайцева).

¹¹ Федоров В. Финтифлюшки. Повесть // Воля России. 1928. № 3. С. 3–31; № 4. С. 3–24. См. новейшее издание сочинений Василия Георгиевича Федорова (1895–1959): Федоров В.Г. Канаречное счастье: [Сборник] / [составление, предисловие, примечания В.П. Нечаева]. М.: Московский рабочий, 1990.

¹² Газданов Г. Товарищ Брак // Воля России. 1928. № 2. С. 3–22.

¹³ Эккерсдорф В. Случай с Владимиром Ивановичем // Воля России. 1928. № 6. С. 3–53.

Эккерсдорф Виктор Адольфович (1894–1957) – актер, писатель. В 1920-х гг. тайно выехал из СССР, жил в Белграде. С 1930 г. – актер русского театра «Комедия». Помимо «Воли России» печатался также в парижских журналах «Путь» и «Вестник РСХД». Умер в Швейцарии.

¹⁴ Алданов М. Современники. Берлин: Слово, 1928.

¹⁵ Алданов М. Ключ // Современные записки. 1928. Кн. XXXV. С. 128–196.

¹⁶ Иванов Г. Петербургские зимы. Париж: Родник, 1928.

¹⁷ Стихотворение: Поэзия и поэтическая критика / Под редакцией Бориса Божнева. При ближайшем участии Вадима Андреева, А. Булкина, А. Гингера, Вл. Познера, Б. Поплавского, Д. Резникова и Б. Сосинского. Париж. 1928. Вып. I–II.

¹⁸ Б. Божнев опубликовал в «Стихотворении» следующие стихи: «Лира», «Бессонница» (Вып. I. С. 4–5), «Пером гусиным и великим» (Вып. II. С. 17 [3]),

¹⁹ А. Гингер опубликовал в «Стихотворении» следующие стихи: «Стисни губы, воин честный», (Вып. I. С. 6), «Голова моя поднята к небу» (Вып. II. С. 23 [9]).

²⁰ В. Андреев опубликовал в «Стихотворении» следующие стихи: «Не звучен свет, огонь не ярок», «Прозрачен и беспомощно высок» (Вып. I. С. 7–8), «Осина» («Бог наложит к слою слой») (Вып. II. С. 25 [11]).

²¹ Имеется в виду стихотворение А. Эйснера «Конница» («Толпа подавит вздох глубокий», 1928). Опубл.: Воля России. 1928. № 5. С. 39–43.

²² Струве Михаил Александрович (1890–1949) – поэт, критик, племянник П.Б. Струве, двоюродный брат Г.П. Струве. См.: Струве М. Из стихов о войне. Стихотворения. Вступительная статья, подготовка текста и публикация Алексея Вовка // Дети Ра. 2013. № 8 (106): <http://magazines.russ.ru/ra/2013/8/6s.html>; Петербург в поэзии русской эмиграции (первая и вторая волна). Вступ. ст., составление, подгот. текста и примеч. Р. Тименчика и В. Хазана. СПб.: Академический проект, Издательство ДНК, 2006. (Новая Библиотека поэта). СПб., 2006. С. 745–746.

²³ Струве М. Четыре стихотворения // Версты. 1928. № 3. С. 20–25. В подборку включены стихотворения «Семилетье 1914–1921», «Полет», «Старик», «В парижском предместье».

²⁴ Струве М. Кукла // Воля России. 1928. № 4. С. 39–42.

²⁵ Меон — основная категория теории меонизма (мэонизма), разработанной Н.М. Минским в его религиозно-философском труде «При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни» (1890) и др. сочинениях. Заимствованная у Платона категория переосмысливается и предстает как «недостижимая святыня». См.: *Минский Н.М.* Религия будущего (Философские разговоры). СПб., 1905.

²⁶ *Поплавский Б.* Никто не знает // Стихотворение. 1928. Вып. II. С. 19 [5]–21 [7]. Эпиграф из стихотворения А. Рембо «Fetes de la faim»: «Anne, Anne, / Fuit sur un ne» («Голод мой, Анна, Анна, / Мчит на осле неустанно», пер. М. Кудинова).

²⁷ *Ремизов А.М.* Звезда надзвездная. Stella Maria Maris. Париж: YMCA Press, 1928.

²⁸ *Ремизов А.М.* Три серпа. Московские любимые легенды. В двух томах. Париж: Таир, 1929.

²⁹ *Цветаева М.* После России: Стихи 1922–1925. Париж: Тип. Union, 1928. Мирский писал Сувчинскому 5 июля 1928 г. об этой книге стихов Цветаевой: «Получил стихи Маринины. Перечитывал многое, был многим взволнован — какой все-таки, еби ее мать, поэт! Одно плохо, что в свое время мало секли. Эти годы 1922–25 [–] ее лучшие. Восходящая линия ее идет до Родзевича и Родзевичем обрывается» (The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. P. 107). Цветаева сделала Мирскому дарственную надпись на экземпляре «После России»: «Дорогому другу Димитрию Петровичу Святополку-Мирскому, на память о том Виллетте, том Лондоне, той Вандее — Марина Цветаева. — Медон, 17-го июня 1928 г.» (*Смит Дж.* Марина Цветаева и Д. Святополк-Мирский // *Смит Дж.* Взгляд извне: Статьи о русской поэзии и поэтике / Пер. с англ. М.Л. Гаспарова, Т.В. Скулачевой. М.: Языки славянской культуры, 2002. (Studia poetica.) С. 278).

³⁰ *Цветаева М.* С моря // Версты. 1928. № 3. С. 7–13.

³¹ *Цветаева М.* Новогоднее // Версты. 1928. № 3. С. 14–19.

³² *Цветаева М.* Попытка комнаты. Поэма // Воля России. 1928. № 3. С. 32–39.

³³ *Цветаева М.* Тезей: Трилогия. Часть вторая. Федра // Современные записки. 1928. Кн. XXXVI. С. 121–162; 1928. Кн. XXXVII. С. 114–146.

³⁴ *Цветаева М.* Тезей. Трагедия // Версты. 1927. № 2. С. 5–83.

³⁵ Непонятно, что имеет в виду Мирский, поскольку «Перекоп» при жизни Цветаевой опубликован не был.

³⁶ Как отмечает Дж. Смит, «[э]та забытая рецензия является по существу единственной опубликованной попыткой того времени охватить развитие Цветаевой вплоть до конца 1920-х гг. Мирский был самым проницательным читателем Цветаевой в 1920-е гг., и это свидетельство, что ее эволюция опередила даже его, — предвестие то изоляции, которая постигла ее в 1930-х гг.» (*Смит Дж.* Марина Цветаева и Д. Святополк-Мирский // *Смит Дж.* Взгляд извне: Статьи о русской поэзии и поэтике / Пер. с англ. М.Л. Гаспарова, Т.В. Скулачевой. М.: Языки славянской культуры, 2002. (Studia poetica.) С. 279).

**Николай Арсеньев. Русская литература Нового времени
и современности в ее связи с духовной культурой.
В отдельных очерках. Майнц, 1929.**

Книга Арсеньева¹ обладает одним бесспорным преимуществом, бросающимся в глаза: она написана с предначертанной и твердо выдержанной идеологической позиции; иными словами — книга сознательно и грубо тенденциозна.

Автор движется в русле либерально-православного течения эмигрантской мысли, словно магнитом притягиваемого ИМКА². В общем и целом, Арсеньев с должным мастерством справился с заданием создать Вульгату³ новой и новейшей русской литературы по образцу ИМКА. В его сети угодило не только все, что подходит к его направлению, но и то, что он определяет как «объективное художественное творчество», то есть все, что свободно от тенденциозности, то есть от явно выраженной тенденции, откровенно враждебной его собственной. Он особенно настаивает на «объективности» как неотъемлемом критерии «художественного», как только речь заходит о радикальных и прежде всего советских писателях. Но даже у худших из радикалов он способен найти нечто положительное: уважение к духовности, к душе, к этическим ценностям. Подобное рассмотрение заставляет его высоко поставить радикального Глеба Успенского на том основании, что тот будто бы был «борцом за душу народа». С другой стороны, он отворачивается от всего «нездорового» и тщательно разделяет писателей на «приемлемых» и «неприемлемых» для ИМКА, относя к последним «символистов» и «оргиастов». С особым негодованием отброшен Андрей Белый, поскольку к священным догматам ИМКА относятся так называемые простота, искренность и безыскусность. Жестко обходится автор и с Мережковским, но ему многое прощается из-за его «глубоко укорененной морали» и «горячего сердца», что делает его непримиримым врагом всякого, кто «хочет погубить дух и душу его народа». Куда больше автору, естественно, подходит Иван Ильин, чьи сочинения, как сказано, «воспитывают и поднимают настроение» и от чьей книги «О сопротивлении злу силою»⁴ веет «исключительно свежим воздухом».

Прискорбно, но потуги Арсеньева в создании Вульгаты, приемлемой для всех охваченных ИМКА людей, терпят неудачу из-за его совершенно устаревших литературных представлений. Так, из-за отсутствия информации о современных литературных и прочих настроениях он опирается на утверждение, что русские неизменно видят «своего вождя и учителя в... Достоевском», или сообщает о Некра-

сове, что «сейчас от него все совершенно отвернулись». Само собой разумеется, у Арсеньева нет и тени представления об истории литературы как об историческом процессе в буквальном смысле. Его книга не только не отвечает требованиям, предъявляемым к истории литературы, напротив, перед ним стоят прямо противоположные задачи: собрать свод сведений ad usum⁵ YMCA.

Опубл.: D. S. M. [Rev.] N. von Arseniew. Die Russische Literatur der Neuzeit und Gegenwart in ihren Geistigen Zusammenhängen. Mainz // Slavische Rundschau. 1929. Bd. 1. S. 490–491.

¹ *Arseniew N., von.* Die russische Literatur der Neuzeit und Gegenwart in ihren geistigen Zusammenhängen. In Einzeldarstellungen (= Welt und Geist), Mainz: Dioskuren-Verlag, 1929.

Арсеньев Николай Сергеевич (Nikolaus von Arseniew, 1888–1977) – филолог, историк религии и культуры, поэт. В эмиграции с 1920 г. До 1944 г. был профессором по русской культуре и истории русской духовной жизни Кёнигсбергского университета, в 1926–1938 гг. – профессор православного богословского факультета Варшавского университета.

² YMCA (ИМКА; «*Young Men's Christian Association*», англ. «Юношеская христианская ассоциация») – всемирная межконфессиональная молодежная организация, задуманная как объединение молодых людей и девушек христианского, но не узко церковного направления. Российская ИМКА была основана в 1900 г. в Санкт-Петербурге; в эмиграции ИМКА проводила широкую образовательную и пропагандистскую работу, в частности, в летних лагерях, куда привлекались и русские школьники, и прежде всего – русское студенчество. РПЦЗ воспринимала деятельность ИМКА враждебно, определяла характер организации как неправославный, воспитавший целые поколения молодых людей в духе экуменизма. См.: *Miller M.L.* The American YMCA and Russian Culture: The Preservation and Expansion of Orthodox Christianity, 1900–1940. N.Y.: Lanham, 2013.

³ Вульгата, *Vulgata* – латинский перевод Библии, выполненный блаженным Иеронимом; со времени Тридентского собора (1545–1547), несмотря на дополнения и исправления, является единственным, принятым в католической церкви, каноническим текстом Священного Писания. Именно последнее – незыблемость текста и высказанных в нем суждений и оценок – и становится основой для метафорического употребления названия «Вульгата» в приложении к истории русской литературы под православным углом зрения, первым образцом которой, вероятно, и следует считать вышедший по-немецки труд Н.С. Арсеньева.

⁴ *Ильин И.* О сопротивлении злу силою. Берлин: Тип. о-ва «*Presse*», 1925.

⁵ Ad usum Delphini – «для использования дофином» (лат.); здесь – в смысле адаптации классики для несведущего и целомудренного читателя.

Алексеев М.П. Voltaire et Schouvaloff. Fragments inédits d'une correspondance franco-russe au XVIII s. Тр. Гос. публ. б-ки в Одессе. Серия V: Неопубликованные документы. Одесса, «Одесполиграф», 1928. 49 с.

Алексеев М.П. Этюды о Марлинском. Оттиск из тома XV Сборника трудов Иркутского государственного университета. Иркутск, 1928.
Алексеев М.П. Сибирь в романе Дефо. Иркутск, 1928.

Публикуя два неизвестных письма графа Андрея Петровича Шувалова (1744–1789) Вольтеру, профессор Алексеев¹ набрасывает краткий очерк этой весьма примечательной русской личности XVIII века². В усвоении французской культуры он заходит куда дальше, чем это казалось желательным многим его современникам и потомкам во времена Александра I. Главнейшим и обессмертившим его творением является стихотворение «Eptre à Ninon» («Послание к Нинон»), которую французы упорно приписывают Вольтеру. Из опубликованных теперь писем особенно интересно второе, в котором Шувалов полуофициально наставляет Вольтера, как тот должен рекламировать Екатерину в связи с изготовленным по ее поручению русским переводом запрещенного во Франции «Велизария» Мармонтеля³.

В брошюре, посвященной «Робинзону Крузо»⁴, профессор Алексеев задается вопросом, до какой степени описания Сибири во второй части романа⁵ соответствуют действительности. Он приходит к выводу, что Дефо в целом находился на уровне доступной ему литературы по географии, когда же ему не хватало источников, он заменял недостающие сведения изображением приключений, которые он произвольно связывал с тем или иным местом⁶.

В очерке о Марлинском собственно литературный взгляд на вещи соединяется с краеведением. Алексеев сравнивает главное произведение Марлинского, повесть «Аммалат-Бек», с источниками, которые, возможно, были в распоряжении автора, и устанавливает, что Марлинский мало что выдумывал, напротив, живо интересовался собиранием материала по этнографии и бытописанию. Другой этюд посвящен читательскому восприятию образа Марлинского в 1830-е гг. Поскольку цензура вымарывала всякие упоминания о его причастности к восстанию декабристов, это вело к возникновению различных легенд, в том числе и совершенно неправдоподобных. Этюды о Марлинском составляют часть обширного труда «Марлинский, история литературной репутации», который Алексеев надеется опубликовать вскоре в полном объеме⁷.

Оубл.: D. S. M. [Rev.] M.P. Alekseev. Voltaire et Schouvaloff: Fragments ineditis d'une correspondance franco-russe au XVIII siecle. Odessa, 1928;

М.Р. Alekseev. Etjudy o Marlinskom. Irkutsk, 1928; *Sibir' v romane Defo. Irkutsk, 1928 // Slavische Rundschau*. 1929. Bd. 1. S. 551–552.

¹ Михаил Павлович Алексеев (1895–1981) в 1920–1927 гг. работал в Одессе, затем – профессор Иркутского университета, с 1933 г. – в Ленинграде; академик (1958). Вероятно, сам прислал на рецензию свои брошюры. Еще в 1923 г. Алексеев направил статью «Pushkin and Washington Irving» в лондонский «*Slavonic Review*» (см.: Пушкин и его современники. СПб., 1999. Вып. 1 (40). С. 72; publ. неизвестна), а с 1928 г. стал сотрудничать с «*Slavische Rundschau*» (см. его рецензии и обзоры: 1928. Jg. 1, № 4. S. 301; 1930. Jg. 2, № 11. S. 658–661; 1931. Jg. 3, № 9–10. S. 665–671); публиковался также в «*Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven*» (1929, 1931), «*English Study*» (1931), «*Germanoslavica*» (1932–1933).

² Граф Андрей Петрович Шувалов (1744–1789) был пропагандистом русской культуры во Франции, писал по-французски статьи и стихи, которые высоко оценивал Вольтер. Анонимно изданное «*Epitre à Ninon de Lenclos*» (1774) молва приписывала самому Вольтеру, настоявшему на новом издании с указанием авторства Шувалова. К теме сотрудничества А. Шувалова и Вольтера Алексеев вернулся в статье «Вольтер и рус. культура XVIII века» (1947).

³ Велизер, сочинения господина Мармонтеля, члена Французской академии, переведен на Волге. Печатан при имп. Московском университете 1768 года. Роман, полученный Екатериной II от автора, был переведен придворным кружком императрицы во время ее плавания со свитой по Волге в 1767 г.; участвовал в переводе и А.П. Шувалов.

⁴ Оттиск из кн.: Сибирский литературно-краеведческий сборник. 1 / Под ред. М. К. Азадовского и Ис. Г. Гольдберга. Иркутск, 1928. С. 51–72. Алексеев вернулся к Дефо в статье «“Робинзон Крузо” в русских переводах» (1963).

⁵ Роман Д. Дефо «*The Further adventures of Robinson Crusoe*» («Дальнейшие приключения Робинзона Крузо»), опубликованный в 1719 г.

⁶ Мирскому принадлежит предисловие к изданию: *Дефо Д. Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо: В 2 т. / Пер. М.М. Шишмаревой и З.Н. Журавской. М.; Л.: Academia, 1935. Т. 1. С. VII–XVI*. В этом тексте Мирский не упоминает сибирских приключений Робинзона, хотя и замечает относительно географической точности Дефо: «Точен Дефо всегда; но очень часто эта точность не основана ни на каких сведениях. География “Робинзона” довольно фантастична. Описание берегов Африки между Марокко и Сенегалом ровно ничему не соответствует. Климат Робинзонова острова, описанный с такой научной точностью, не только не климат острова около устьев Ориноко, но вообще климат, не существующий в природе» (*Мирский Д.П. Статьи о литературе / Сост. М. Андронов. Вступ. статья Н. Анастасьева. М.: Художественная литература, 1987. С. 95*).

⁷ «Этюды» 1928 г. – фрагмент монографии Алексеева о Бестужева-Марлинском, которую он безуспешно пытался опубликовать с 1923–1925 гг. (см.: Пушкин и его современники. Вып. 1 (40). С. 79); позже оставил этот замы-

сел. 22 апреля 1932 г. Алексеев писал редактору «Литературного наследства» И.С. Зильберштейну: «У меня по Марлинскому ничего неизданного, да и подходящего для вас нет. Я очень далеко отошел от этой работы, особенно после того, как издал в Иркутске в 1928 г. книжку “Этюды о Марлинском”. С тех пор занятия пошли у меня совершенно в другом плане» (РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. 3. Л. 10).

**Кирпотин В. Радикальный разночинец – Д.И. Писарев.
Ленинградский научно-исследовательский институт марксизма.
Л.: Прибой, 1929. 253 с.**

В. Кирпотин – историк, а не историк литературы¹, и, несомненно, гораздо плодотворнее изучать публициста шестидесятых годов с помощью исторической методологии, нежели с литературоведческих позиций. Именно потому, что Добролюбова и Писарева рассматривают главным образом как историков литературы, в известных кругах им уготовано надменное и незаслуженное безразличие. Подобно Чернышевскому, Добролюбов и Писарев были прежде всего работниками революции. Ввиду специфически русского состояния гласности Добролюбов счел более удобным заниматься пропагандой в привычных формах художественной литературы; остальные двое затрагивали чисто литературные вопросы относительно редко². Писарев занимался прежде всего агитацией в области культуры и популяризацией естественнонаучных знаний. Кирпотин видит в нем лишенного классовой принадлежности интеллектуала: получив как будто дворянское воспитание, он уже с молодых ногтей был вынужден добывать себе пропитание журналистикой. Идеология его была типичной для интеллигента. Он был умереннее Чернышевского, он был холоден к нуждам крестьянства, вместо революционной программы у него была культурная работа, просвещение. Образование революционных кадров должно предшествовать массовому революционному выступлению. В какое-то мгновение он было развернул революционный стяг – и заплатил за это четыремя годами крепости. Заключение в крепости сделало его еще более умеренным, и тем более поразительным кажется образ радикального агитатора, который из тюремной камеры руководил мыслями всей оппозиционно настроенной интеллигенции. Для историка литературы наибольший интерес представляет глава «Разрушение эстетики»³. Знаменитый поход Писарева против искусства Кирпотин остроумно определяет как «левые фразы», которыми были завуалировано его политическое поправление. Этот вывод следует принять безоговорочно. На самом

деле под шумок своих антиэстетических выступлений Писарев сдавал одну за другой свои социалистические позиции и переходил к чистой буржуазно-демократической пропаганде технического прогресса и индустриализации. Традиция поздней революционной интеллигенции в эстетических вопросах перешла – в обход Писарева – к Чернышевскому.

Оубл.: D. S.-M. [Rev.] V.Ja. Kirpotin. Radikal'nyj Raznocinec: D.I. Pisarev. Leningrad // Slavische Rundschau. 1929. Bd. 1. S. 829.

¹ Мирский с формальной (по крайней мере) точки зрения ошибается. В.Я. Кирпотин (1898–1997) окончил в 1925 г. философское отделение Института красной профессуры; в 1928–1932 гг. работал в Институте литературы и языка Коммунистической академии; автор книги «Наследие Пушкина и коммунизм» (М.: ГИХЛ, 1936). В мае 1937 г. Кирпотин был в числе тех, кто печатно обвинял Мирского в «троцкизме»: *Кирпотин В.* Троцкистская агента в литературе // Правда. 1937. 17 мая. № 134. С. 3.

² Непонятно, что имеет в виду Мирский. И Добролюбов, и Писарев были известны прежде всего именно как литературные критики, Чернышевский – как писатель и критик.

³ По названию статьи Д.И. Писарева (1865).

Достоевский на Западе. I: Достоевский во Франции и Англии¹

Открытие французами Достоевского было лишь частью большого процесса открытия «русских», что, в свою очередь, стало существенной частью важнейшей тенденции: антиматериалистической реакции второй половины 1880-х гг. «Русский роман» Мельхиора де Вогиюэ (вышел в 1885 г.)², впервые сделавший «русских» фактом французской литературы, оказался, скорее всего, единичным и дерзким проявлением идеалистической реакции против научно-материалистического направления натурализма, позже достигшей своих высот в деятельности Барреса³ и Бергсона⁴. Охваченная этой реакцией французская буржуазия не могла при этом отвергнуть ценных единомышленников, которых ей предлагали современные политические союзники. Сопоставление этих совершенно различных явлений – литературное обаяние русских и французо-русский альянс⁵ – может показаться несколько странным. Они появились, несомненно, независимо друг от друга. И все же они были проявлением одной и той же материи – симптомами той фазы, в которую вступила французская буржуазия на пути к позднему капитализму. Разные, но родственные побуждения, они, с одной стороны, сталкивались на пути буржуазно-

го объединения, с другой — в реакции буржуазии против материалистической, даже против рационалистической идеологии эпохи своего здорового процветания и в ее оболещении наркотизирующей филозофией, которая более отвечала ее близящейся дряхлости.

Даже участие России в обоих этих процессах не случайно: отсталая аграрная страна была не только удобным местом для инвестиций избыточного капитала и еще более удобным поставщиком пушечного мяса, но и отличным проводником реакционной идеологии. Так что русские прибыли во Францию как реакционная стихия, как своего рода духовные жандармы; и даже Тургенев, который в русской культуре сыграл прогрессивную роль, был использован как удобное оружие против Золя⁶. И уж Достоевского, разумеется, было еще лучше использовать для этой цели.

Роль русских не ограничивалась, однако, их участием в антиматериалистической реакции. Хотя для буржуазии конца XIX в. они были отсталым элементом, все же они несли с собой те особые условия русской литературы, которая хотя и была по своему происхождению дворянской, но объективно испытала воздействие мещанства и поэтому могла выглядеть как демократическая. Двойственная природа одновременно отсталой и демократической мелкой буржуазии предопределила и двойственную роль русской литературы на Западе и создала мост между собой и западным мелкобуржуазным элементом.

Идеалистическая реакция конца XIX в. была не столько реакцией на всякую ясность и определенность догадывающейся о своем загнивании буржуазии, сколько возмущением чувства мелкобуржуазной демократии против бездушной объективности капиталистической культуры, протестом против всех «железных законов» господствующего социального порядка. Эта двойственность превращала Достоевского, с одной стороны, в идеалиста реакционного лагеря вроде Октава Фейе⁷, Вогюэ и Бурже⁸, с другой — в гуманиста в рядах возмущенной богемы. Его популярность росла там <на Западе> в начале 1900-х гг. словно транслируемая через рупор растущей популярности Горького и сливалась со своего рода богемно-демократической сентиментальностью писателей вроде Шарля-Луи Филиппа⁹. В обоих лагерях, однако, воспринимали одну и ту же гуманно-христианскую сторону Достоевского и особенно высоко ценили таких героев как Соня Мармеладова и князь Мышкин.

Дальнейшие этапы восприятия Достоевского во Франции отражают следующую фазу в развитии буржуазной культуры. Они связаны прежде всего с именем Андре Жида — с одной из интереснейших и значительнейших фигур в современной буржуазной литературе не

только во Франции¹⁰. Его место в развитии деструктивного направления, которое можно было бы описать отжившим словом «декаданс», находится в том поворотном пункте, когда это направление, возникшее из возмущения деклассированной богемы против общества, превратилось в неотъемлемую часть буржуазной культуры. То, что у Бодлера, у Рембо, у Верлена было подлинным трагизмом, подлинным самосожжением, подлинным всемирным отрицанием бунтаря, отвергнувшего буржуазную жизнь, в позднем декадансе превращается в трагическую цитату к внутреннему миру буржуазного индивидуалиста. Ужасная внутренняя фауна, которая у Рембо представляла совершенно реальную опасность, превращается в домашний зверинец, где ужасов не больше, чем в гётевском саду прекрасной Лилии¹¹. Укрошенные и подчиненные некоему устойчивому *modus vivendi* чудовища еще ворочаются, но их движения передают — *sit venia verba*¹² — лишь пикантные подробности внутренней жизни буржуа, не затронутой никаким подлинным трагизмом. И А. Жид — характернейший представитель этого подпольного мира, сумевшего присосаться к буржуазной жизни. Внешне это лучше всего проявляется в особом соединении того, к чему его склонность непреодолима, всего гнилого, порочного, двусмысленного, «чреватого бедами» и «насыщенного невыразимым наслаждением»^{*13}, с корректно-сдержанной выправкой, вымуштрованной сразу двумя школами — эстетической и этической, а именно — французским классицизмом и французским протестантизмом.

«Достоевский» Жида (1924)¹⁴ представляет совершенно другого Достоевского, чем Вогюэ. Во-первых, он совершенно освободил Достоевского от какой бы то ни было социальной среды и полностью сосредоточился на внутреннем <мире героев>, почти как Лев Шестов¹⁵. Далее, всячески подчеркивается *двусмысленность* Достоевского, невозможность использовать его для построения какой-либо позитивной идеологии. «Запискам из подполья» отведено в труде Жида центрально место, тогда как образы Кириллова и Ставрогина отодвинуты на задний план. Основополагающей считается для Достоевского проблема индетерминизма, проблема, которой Жид, наряду с его излюбленной идеей «*acte gratuit*»¹⁶, носится уже давно. Наконец, в последней главе прославляются болезнь и ненормальность как почва для всякого гения, будто бы «подлинное творчество невозможно без сотрудничества с бесами», то есть (хотя Жид, как и его собратья

* Весьма типична для Жида очевидная склонность к «декадентскому периоду» Пушкина, например, к «Пиковой даме» (*прим. автора*).

по вере, протестанты, не верит в личного дьявола) без погружения в бездны подсознания, конструктивно воспользовавшись которым и воздвигся буржуазный декаданс. Беспреданно подчеркивая противоречивость избыливающего конфликтами внутреннего мира Достоевского и его человека, Жид в то же время совершенно пренебрегает динамикой развития этих конфликтов (и не случайно он отказывает человечности Достоевского в «intelligence et volonté»¹⁷), конфликты для него играют роль ядов, придающих остроты варящемуся внутри напитку, однако не смертельных. Всеми силами подчеркивая темные, бесовские элементы у Достоевского, Жид вовсе не хочет, подобно Шестову, обесценить их умиротворяющего синтеза и широко пользуется своим христианским словарем. Трагедия оказывается безобидной, а беспокойный дух усваивается, ad majorem gloriam¹⁸, эстетикой индивидуализма.

В Англии Достоевский стал литературным фактом позже, чем во Франции. Р.Л. Стивенсон читал его, правда, во французском переводе примерно году в 1890-м, был восхищен глубинами его анализа и даже усвоил кое-что из его художественных приемов¹⁹. И все же подобное частичное влияние одного писателя на другого важного литературного значения не возымело. Еще в 900-е гг. Морис Беринг²⁰ в своих книгах о русской литературе (это, кстати, первые работы на английском языке, выдающие основательное знакомство с русской литературой) говорит о Достоевском как о писателе не очень актуальном для своих читателей. В своем восприятии Достоевского Беринг опирается на Вогюэ, однако Достоевский, приготовленный по образцу Вогюэ, был в Англии малосъедобным. Для борьбы против естественнонаучного взгляда на мир там хватало собственных сил, надлежащим образом дозировавших идеализм и гуманизм. Детеологизированный пуританизм Джордж Элиот²¹ и демократический эстетизм Рёскина²² и Уильяма Морриса²³ отвечали потребностям, для удовлетворения которых Франции понадобились «les Russes»²⁴. С другой стороны, английская жизнь была намного счастливее, и господствовавший оптимизм делал трагическое мировосприятие попросту ненужным^{*25}, а назревающие конфликты еще не коснулись сознания буржуазного общества. Предвоенные годы (либеральная эра 1906–1914) как раз и стали временем мощного подъема социального оптимизма в ши-

* Недвусмысленная трагичность А.Э. Хаусмана или Томаса Гарди как раз напротив тесно связана с нарастающим естественнонаучным взглядом на мир и на самом деле является лишь более мужественной формой позитивистского пессимизма Тургенева (*прим. автора*).

роких мелкобуржуазных слоях. Бюджет Ллойда-Джорджа был куда более важной реальностью, чем морское соперничество с Германией. В то время, когда интерес был прикован к Шоу и Уэллсу, Достоевский был заведомо не ко двору. Впрочем, и в Англии вызревали причины, которые разворачивали буржуазную интеллигенцию к внутреннему миру, к ультрапсихологическому и ультраинтроспективному индивидуализму, от чего интерес к Достоевскому должен был неминуемо возрасти. Первые корректные переводы его произведений (выполненные Констанс Гарнет²⁶) появились в 1913 г.; его имя становилось все более известным. Но об «открытии» Достоевского англичанами позаботилась война.

Следует учитывать атмосферу наивного исторического оптимизма и веры в мирное развитие общества, в которой пребывала буржуазная Англия на пороге войны, чтобы понять воздействие войны на английскую интеллигенцию. Для типичного интеллектуала это было крушением всех его верований, всего мироощущения, ужасающим откровением, что нет никаких благодетельных сил, которые правят миром. Для большинства следствием стал полный отказ от всего социального, совершенная утрата веры в объективные ценности, абсолютное погружение в собственный внутренний мир, и вдобавок следствием войны стали всевозможные неврозы и комплексы. На этой почве пышным цветом расцвел разного рода ультраинтроспективный и сверхпассивный психологизм, который проявился в увлечении Фрейдом – который воспринимался как освобождение от всякой внутренней «цензуры», – и Достоевским, который реализовал это освобождение. «Scandale de la nudité»²⁷, выражение француза Суаре²⁸, которое еще в 90-е годы тяготело над Достоевским²⁹, лучше всего характеризует силу его притяжения для англичан в военные и первые послевоенные годы. Но Достоевский не был только стихией, которая способствовала процессу этого индивидуалистического разложения; он послужил также и утешителем, и целителем травм, которые нанесла английскому интеллектуалу война. Он открыл им трагедии и треволения, рядом с которыми война отошла на задний план, но он пообещал им после них и через них исцеление и спасение. И в то же время оказывалось, по Достоевскому, что субъективное, заключенное в мобилизованном на фронт интеллектуале, разуверившемся в объективном, это-то и есть путь к объективному добру, тот путь, что ведет через трагические коллизии и конфликты, и тем более убедительный в представленных писателем отношениях. Но, самое главное, Достоевский дал им идею чуда, исторической непредопределенности, которая была совершенно чужда довоенной Англии; этой верой в чудо и

в грядущее возрождение человечества он уберегал их от злобной силы истории. Это новое отношение к Достоевскому отразилось в изданной в 1916 г. книге Миддлтона Марри «Федор Достоевский»³⁰.

После войны и наступившего затишья стало более устойчивым и отношение англичан к Достоевскому. Чудо перестало быть столь necessarily необходимым. Остались мысли о грядущем возрождении человечества и о конечной гармонии, которая находится по ту сторону трагедии, но центральной, оставшейся после крушения объективных идеалов проблемой для послевоенной интеллигенции стало оправдание субъективных ценностей после обнаружения их объективной основы. Историческую условность этих первых поневоле пришлось принять к сведению, но возросший в протестантизме индивидуализм не мог совладать с чистым релятивизмом (материалистическое объяснение было с самого начала отвергнуто). Пришлось уверовать, что в субъективном начале все-таки всегда таится зародыш прогресса, и потому как раз в развитии этого субъективного сознания и состоит прогресс.

Попытка научно обосновать эту теорию была предпринята в талантливых книгах А.А. Ричардса³¹; он разработал дарвиновскую концепцию культурного прогресса, как выбора predetermined реакций, присущих данной среде. Из заурядных истолкований особенно утвердилась провозглашенная вышеупомянутым Миддлтоном Марри новая литературная религия («Неизвестному Богу» <To the Unknown God>, 1924³²): вера в объективность субъективных данных покоится у него на «традиции», которая ведет от «Эхилла, Еврипида и Платона, через Иисуса Христа, через Шекспира, Китса и Уитмена к Толстому и Достоевскому, к Чехову и Гарди». Из этого перечня явствует, что и тут Достоевскому, как и прежде, не отводится слишком большой роли, хотя и прибавлено, что он (и Толстой) стоят «у края» великой тайны, то есть того самого возрождения человечества. Достоевский оказывается постепенно в тени Чехова (опошление которого *ad usum philistorum*³³ Миддлтону Марри удастся проделать с большим искусством), а русские писатели в целом медленно замещаются доморощенной английской традицией, куда более спокойной и безвредной. Толстой и Достоевский привели Россию к большевизму; Уитмен и Мелвилл «звергли Америку в механической загнивание; а Англия все живет себе и органично развивается». Так обнаруживает себя английский мещанин, для которого раны и трагедии остались в прошлом, на удобном и приятном пути к его будущему возрождению. А Достоевский обратился в одного из идиолов интеллектуального Пантеона.

Увлечение достоевщиной прошло, и Достоевский достался в удел лишь профессиональным критикам и записным романистам. В соот-

ветствии с изучением его романов с чисто литературной точки зрения произошло смещение центра интереса с рассмотрения средств психологического анализа на разбор его повествовательной техники и драматического мастерства, что приводит нас к новой и, в настоящее время, последней стадии его восприятия.

Этот новый поворот тесно связан с культом действия, распространившимся среди буржуазной и частично в мелкобуржуазной интеллигенции, следствие обострения тех капиталистических противоречий, которые подвигли интеллектуалов рассматривать жизнь как борьбу. Интеллектуал-индивидуалист, будь он левый или правый, фашист или революционер-большевик, сочетали острейшее чувство борьбы с упорным разглядыванием внутреннего мира, с неисправимым нарциссизмом. Для них Достоевский оказался самой подходящей пищей. Во Франции фашистские тенденции оказались столь сильно пронизаны идеей «латинской дисциплины», что им понадобилась помощь, так сказать, косматого славянина, — литературного идеолога французского фашизма, Андре Моруа³⁴, больше интересовал маршал Лиотэ³⁵, нежели Достоевский. Но левых он притягивал очень сильно, но совсем не тем же самым, чем немецких благородных коммунистов: типичный продукт интеллектуального псевдобольшевизма, «Завоеватели» Андре Мальро (1925)³⁶ насквозь пропитаны магнетизмом Достоевского.

Между тем в Англии фашистские настроения находятся на чисто литературной ступени развития; в целом они его оббегают и предпочитают ему авторитеты местного или латинского происхождения. Принимая, впрочем, во внимание, что молодое поколение, выросшее в атмосфере Достоевского, проникнуто новым драматическим и фашистским сознанием, оно и представляет Достоевского по своему образу и подобию. В этом отношении вполне симптоматично появление года два назад книги одаренного молодого романиста Джона Каррузера «Шехерезада, или будущее английского романа»³⁷. Он проповедует необходимость для романиста сосредоточиться на фабуле, а не на психологии, дезавуирует извращения старших собратьев по перу, зависимых от Достоевского и выдвигает на первый план драматический характер своей конструкции. Еще один молодой критик, Эдвин Мюир, в своей книге о романе³⁸, посвящает одну из глав, озаглавленную «Драматический роман», Достоевскому, и ставит его в один ряд с гениальной английской романисткой, Эмили Бронте*. Подобное сопоставление могло бы стать унижительным для Достоевско-

* Стремительный рост славы Эмили Бронте (1818–1848), почти неизвестной на континенте, является ярчайшим литературным отражением растущего драматического мировосприятия (*прим. автора*).

го (хотя Мюир прямо и не приходит к этому заключению), поскольку Эмили Бронте разбивает его как драматического писателя наголову. Когда же двусмысленный мистицизм и разлагающийся психологизм перестают главенствовать в целом, а на их место заступают динамизм повествования и драматическая (сюжетная) определенность, своеобразные вес и влияние Достоевского неотвратимо идут ко дну.

Принимая во внимание, как глубоко укоренены в самом существе буржуазной культуры причины, способствующие распространению достоевщины, отмежеваться от нее удастся лишь частично. Приходится считаться с неизбежным возвратом к чистой достоевщине, однако дело случая, окажется ли в ее центре именно Достоевский. Нам, впрочем, известно по русскому опыту, что интерес к Достоевскому, как к романисту – мастеру драматических коллизий и сконструированного содержания – в целом растет, тогда как интерес к нему как к особому индивидуальному явлению – падает. Из этого мы можем сделать вывод, что также и на Западе рост интереса к этим формально-содержательным сторонам его творчества означает тем самым утрату интереса к собственно достоевщине.

Оубл.: D. Sv'atopolk-Mirskij. Dostojevskij im Westen – I: Dostojevskij in Frankreich und England // Slavische Rundschau. 1931. Bd. 3. S. 310–318.

¹ Первая часть обзора «Достоевский на Западе», вторая – «Достоевский в Германии» – принадлежит перу Герхарда Геземана: *Gesemann G.* Dostojevskij im Deutschland // Slavische Rundschau. 1931. Bd. 3. S. 318–323.

Геземан Герхард Фридрих Франц (Gerhard Friedrich Franz Gesemann; 1888–1948) – немецкий славист, историк литературы и фольклора, сербохорватист. В 1930-х гг. профессор славистики Немецкого университета в Праге, один из основателей Немецкого общества славянских исследований (Deutsche Gesellschaft fr Slawistische Forschung), издававшего журнал «Slavische Rundschau».

² Вогюэ Эжен-Мельхиор, де, маркиз (Eug ne-Melchior de Vogüé, vicomte, 1848–1910) – французский дипломат, писатель, литературный критик, историк литературы, член Французской академии, автор книги «Le roman russe» (1886; сокращенный русский перевод: *Вогюэ Э. М. де.* Современные русские писатели: Толстой – Тургенев – Достоевский = *Le Roman russe* / пер. с фр. В.П. Бефани. М.: Изд-во В.Н. Маракуев, 1887).

³ Баррес Морис (Auguste-Maurice Barrès, 1862–1923) – французский писатель.

⁴ Бергсон Анри (Bergson Henri, 1859–1941) – французский философ, лауреат Нобелевской премии по литературе (1927). Ср.: «Его [Мирского] философская почва – бергсонизм (хотя романтический эволюционизм Бергсона ему совершенно чужд), и разум он подчиняет интуиции, цельному воззре-

нию, неразложимому восприятию конкретного» (*Смит Дж.* Параболы и парадоксы Д. Мирского // *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. С. 28).

⁵ Франко-русский союз – военно-политический союз России и Франции, который был основным вектором внешней политики двух государств в 1891–1917 гг. и предшествовал созданию тройственной (с участием Великобритании) Антанты. Противостоял Тройственному союзу во главе с Германией.

⁶ О взаимоотношениях И.С. Тургенева и Э. Золя см.: Из переписки Э. Золя с русскими корреспондентами / Публ. М. Клемана // Литературное наследство. Том 31/32. Русская культура и Франция. [Кн.] II. Пригот. С.А. Макашин. М.: Жур.-газ. объединение, 1937. С. 943–980; *Кафанова О.Б.* Крупная фигура (Э. Золя в оценке И.С. Тургенева) // Тургеневский чтения V. Сост. и научн. Редактор Е.Г. Петраш. М.: Русский путь, 2011. С. 103–114. .

⁷ Фёйе Октай (Octave Feuillet; 1821–1890) – французский писатель, убежденный роялист и апологет аристократии.

⁸ Бурже Поль (Paul Bourget; 1852–1935) – французский писатель, романист; противник материалистического мировоззрения, против которого выступал с позиций католицизма и монархизма.

⁹ Филипп Шарль-Луи (Charles-Louis Philippe; 1874–1909) – французский писатель, автор произведений о жизни низших слоев общества, был близок к социалистам; испытал влияние русской литературы, прежде всего Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского.

¹⁰ Жид Андре (André Paul Guillaume Gide; 1869–1951) – французский писатель, прозаик, драматург и эссеист, лауреат Нобелевской премии по литературе (1947).

¹¹ Имеется в виду сказка И.В. Гете «Сад прекрасной Лилии» из «Разговоров немецких беженцев» («Unterhaltungen Deutscher Ausgewanderten», 1794).

¹² не во гнев будь сказано (*лат.*).

¹³ К ПОДСТРОЧНОМУ ПРИМ. МИРСКОГО

В 1923 г. А. Жид участвовал в переводе «Пиковой дамы» Пушкина (*Pouchkine A. La Dame de pique. Thaduction de J. Schiffrin, B. de Schloetzen et A. Gide. Avant-propos de Andre Gide. Illustrations de Vassili Choukhaeff, editions de la Pleiade, J. Schiffrin et Cie. Paris: Éditions de la Pleiade, 1923*). В этом издании были представлены примеры из первого перевода «Пиковой дамы» на французский язык, осуществленного П. Мериме с очевидным приукрашиванием слога Пушкина.

См.: *Н. Р. [Рыкова Н.]* Андре Жид о Пушкине // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. [Вып.] 1. С. 385–386. Автор заметки резюмирует: «Переводы А. Жида сделаны с нарочитой установкой на точность. Как произведения французского языка они не уступают работе Мериме, являясь без сомнения крупным вкладом в дело ознакомления французского читателя с Пушкиным, все еще недостаточно оцененным на Западе» (с. 386).

См. также предисловие Мирского к английскому изданию «Пиковой дамы» (Pushkin A. The Queen of spades [translated by J. E. Pouterman and C. Bruerton]. Introductory essay by D. S. Mirsky and original woodcuts in colours by H. Alexieff. Limit. ed. London: Blackmore Press, 1929; русский перевод: *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. С. 179–181), которое он рекомендовал вниманию немецкоязычного читателя в «Slavishe Rundschau» в обзоре «Английская россика», размещенном в разделе «Культурная хроника» (см. наст. публ.).

¹⁴ *Gide A. Dostojevski.* Paris: Gallimard, 1923. См. также: *Жид А.* Достоевский. Эссе: пер. с фр. Томск: Водолей, 1994.

¹⁵ См.: *Шестов Л.* Достоевский и Ницше (философия трагедии). СПб., 1903; *Шестов Л.* Достоевский и Нитше. Берлин: Скифы, 1922; *Шестов Л.* Преодоление самоочевидностей: К столетию рождения Ф.М. Достоевского // *Современные записки.* 1922. Кн. IX. С. 190–215.

¹⁶ беспричинный поступок (*франц.*).

¹⁷ уме и воле (*франц.*). В «Slavische Rundschau» это выражение напечатано макароническим способом: «intelligence und volont»; чтобы избежать путаницы, приводим это выражение целиком по-французски.

¹⁸ к вящей славе (*лат.*).

¹⁹ См.: *Maguire M.* Crime and Publishing: How Dostoevskii Changed the British Murder // *A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture.* Ed. by Anthony Cross. Open Book Publisher, 2012. P. 149–174.

²⁰ Беринг Морис (Maurice Baring, 1874–1945) – английский писатель, переводчик, журналист. Автор ряда книг о России («With the Russians in Manchuria», 1905; «A Year In Russia», «The Russian People», 1911, «The Mainsprings of Russia», 1914, «An Outline of Russian Literature», 1914–1915). Об отношениях Мирского и Беринга см.: *Lavroukine N.* Maurice Baring and D. S. Mirsky: A Literary Relationship // *The Slavonic and East European Review.* 1984 (January). Vol. 62. № 1. P. 25–35; *Lavroukine N.* Through Russian Eyes: D.S. Mirsky on Maurice Baring // *Chesterton Review.* 1988. № 19/I. P. 51–62.

²¹ Элиот Джордж (George Eliot; настоящее имя: Мэри Энн Эванс, Mary Ann Evans; 1819–1880) – английская романистка, журналистка и переводчица.

²² Рёскин Джон (John Ruskin; 1819–1900) – английский писатель и поэт, художник, теоретик искусства и литературный критик.

²³ Моррис Уильям (William Morris; 1834–1896) – английский поэт и художник-прерафаэлит, книгоиздатель, создатель мануфактуры по производству декоративно-прикладных предметов; социалист.

²⁴ русские (*франц.*).

²⁵ К ПОДСТРОЧНОМУ ПРИМ. МИРСКОГО

Хаусман Альфред Эдвард (Alfred Edward Housman; 1859–1936) – английский поэт; Гарди (Харди) Томас (Thomas Hardy; 1840–1928) – английский прозаик и поэт.

²⁶ Гарнетт Констанс Клара (Constance Clara Garnett; 1861–1946) – английская переводчица русской литературы XIX в. См.: *Garnett R.* Constance Garnett: A Heroic Life. London: Sinclair-Stevenson Ltd, 1991.

²⁷ скандал наготы (франц.).

²⁸ Суаре Андре (1868–1948) – французский писатель и поэт. См. его статью о Достоевском: *Suarès A. Dostoïevski // Cahiers de la Quinzaine*. 1911–1912. XIII (Treizième série), № 8.

²⁹ Ср. у Достоевского («Бобок», 1873): «Но пока я хочу, чтоб не лгать. Черт возьми, ведь значит же что-нибудь могила! Мы все будем вслух рассказывать наши истории и уже ничего не стыдиться. Я прежде всех про себя расскажу. Я, знаете, из плотоядных. Всё это там вверху было связано гнилыми веревками. Долой веревки, и проживем в самой бесстыдной правде! Заголимся и обнажимся! – Обнажимся, обнажимся! – Закричали все голоса» (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1980. Т. 21. С. 52).

³⁰ *Murry J.M. Fyodor Dostoevsky: a critical study*. London: Martin Secker, 1916. Марри Джон Миддлтон (Murry John Middleton; 1899–1957) – британский писатель, журналист, литературный критик.

³¹ Ричардс Айвор Армстронг (Ivor Armstrong Richards; 1893–1979) – английский филолог, литературный критик, писатель и драматург. Один из основоположников «Новой критики» (New Criticism). Автор книг: «The Meaning of Meaning: A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism» (1923, совместно с Ч.К. Огденом), «Principles of Literary Criticism» (1926), «Practical Criticism» (1929), «The Philosophy of Rhetoric» (1936).

³² *Murry J.M. To the unknown God: essays towards a religion*. London: J. Cape, 1924.

³³ для использования филистером (*лат.*), т.е. в меру понимания обывателя, узко мещанские. Мирский обыгрывает латинское выражение «ad usum delphinium» (см. выше).

³⁴ Моруа Андре (Andr Maurois, наст. имя Эмиль Саломон Вильгельм Эрзог, Émile-Salomon-Wilhelm Herzog, 1885–1967) – французский писатель, прославившийся прежде всего как автор романизированных биографий. В 1931 г. А. Моруа выпустил две биографии: «Лиотэ» (см. ниже) и «Тургенев» (*Maurois A. Tourguéniev*. Paris: Grasset & Fasquelle, 1931).

³⁵ В 1931 г. А. Моруа выпустил биографию Л. Лиотэ: *Maurois A. Lyautey* Paris: Plon, 1931.

Лиотэ (Лиотей) Луи Юбер Гонзалв (Louis Hubert Gonzalve Lyautey; 1854–1934) – французский военачальник, маршал Франции (1921), министр обороны Франции в 1916–1917 гг.; прославился участием в колониальных войнах в Индокитае и Марокко.

³⁶ *Malraux A. Les Conquérants*. Paris: Grasset, 1928.

Мальро Андре (André Malraux, 1901–1976) – французский писатель. Сын банкира, закончивший Национальную школу восточных языков, в 1925–1927 гг. воевал на стороне коммунистов в Кантоне (Гуаньчжоу; Китай), где Чан Кайши была совершена попытка переворота. Этим событиям и посвящен роман «Завоеватели». Не будучи коммунистом, А. Мальро открыто выступал против фашизма, возглавлял общественное движение за освобождение Э. Тельмана и Г. Димитрова.

³⁷ *Carruthers J.* Scheherazade, or the Future of the English Novel. London: Kegan Paul, Trench, Trubner and Co., 1928. «Джон Каррузерс» (John Carruthers) – псевдоним Джона Янга Томсона Грига (John Young Thomson Greig, J.Y.T. Greig; 1891–1963), британского историка литературы. Известен, среди прочего, вышедшей в 1931 г. биографией Д. Юма (*Greig J.Y.T. David Hume*. Oxford: Oxford University Press, 1931).

³⁸ *Muir E.* The Structure of the Novel. London: Hogarth Press, 1928.

Мюир Эдвин (Edwin Muir; 1887–1959) – шотландский поэт, литературный критик, переводчик. Автор, среди прочего, книги «Scott and Scotland; the predicament of the Scottish writer» (London: G. Routledge and Sons, 1936), в которой настаивал на том, что шотландская литература может быть создана только на английском языке, что противоположно мнению знакомого Мирского, шотландского поэта Х. МакДиармида.

Современный русский исторический роман

Русский исторический роман в своем развитии прошел ряд этапов, не сходных друг с другом и едва ли имеющих генетически между собой что-то общее.

Первая фаза, связанная с именами Карамзина, Жуковского, Наумова, меньше всего была «исторической» и столь же мало самостоятельной; это была, скорее, провинциальная реакция на возникающую на Западе эстетику живописного, нежели отражение пробуждающегося в русском дворянстве сознания «народности», национальной самобытности. Вторая фаза – влияние Вальтера Скотта в 1830-е годы – была также во многом зависима от западных образцов, однако общественное содержание этого «вальтерскоттства» было иным, чем в Англии или Франции. Там это было сложным сплетением ретроспективно романтических настроений переживающего закат дворянства (история как застывшее прошлое) и энергичных романтических устремлений все еще революционизированной буржуазии (история как движение). В России, как и в прочих относительно отсталых странах (например, в Италии – Манцони), исторический роман этого периода обусловлен в первую очередь патриотической идеологией еще незрелой буржуазии. Вследствие еще очень слабо развитого классового сознания русской буржуазии эта идеология приобрела особые черты «официальной народности», всеподданнейшего патриотизма.

Бросается в глаза, каким разительным исключением из этого правила оказываются крупнейшие писатели. У Пушкина, который особенно мощно сочетал в себе все противоречия тяготеющего к «третьему сословию» и все же не примыкающего к нему дворянства, исто-

рический роман («Капитанская дочка», «Дубровский») становится средством для изучения движущих классовых сил русского общества; у Гоголя («Тарас Бульба») ирреально окрашенный национальный романтизм в своем эмоциональном тоне сближается с мелкобуржуазной романтикой Гюго или Мишле; у Лермонтова («Вадим») эта тональность использована уже сознательно и доведена до ярко выраженного протеста, что типично для деклассированных дворян.

У врат третьей фазы стоит «Война и мир». Но эта гениальная попытка развенчать и устранить историю, заменив ее «вечным возвращением», оказала в свое время лишь самое поверхностное влияние на русский исторический роман (например, чисто внешнее использование художественных приемов Толстого Салиасом¹). Массовое производство исторических романов в последней трети XIX в. находится за пределами «высокой» литературы. Его единственной задачей было снабдить чтением тех читателей, которые были не настолько умны, чтобы интересоваться Салтыковым или Глебом Успенским. Провинциальный темп жизни еще наполовину увязшей в крепостном праве России заставлял мелкобуржуазного читателя искать действия и сюжета только в прошлом; смена этого темпа более бурными ритмами эпохи империализма ведет к замене исторического романа детективным.

Новая фаза для исторического романа настала в эпоху символизма и эстетизма. Его функция оставалась, в каком-то отношении, той же самой: найти в прошлом стимуляторы, которые не предоставляет окружающая действительность, — и в то же время исторический роман превратился из специфически обывательского чтения в высококультурное занятие, поскольку он снабжал декадентскую и утонченную буржуазию художественными мирами, диапазон которых простирался от лавки древностей Мережковского, с ее «вечными ценностями», до чисто сексуальных реконструкций Кузмина.

* * *

В революционные эпохи исторический роман расцветает. Гегель и Гизо явились как непосредственное следствие французской революции. Присущее пролетарской идеологии единство теории и практики привело, однако, к тому, что революционный историзм Октябрьской революции полностью исчерпал себя в прямом революционном действии и его осмыслении. Проблематика пролетарского романа, даже когда он по форме стоит ближе всего к исторической хронике (например, у Фурманова), — это, в первую очередь, проблематика практически-политическая и педагогическая, направленная, в частности,

на разъяснение функций отдельного революционного рабочего в революционной среде, или на проблему практического воздействия коммунистической партии и отдельного члена партии на окружающую, преимущественно крестьянскую, среду.

Исторический роман в собственном смысле — это целиком продукт непролетарской литературы; здесь сфера его распространения весьма обширна и простирается от правого крыла эмиграции до мелкобуржуазных писателей, которые стоят ближе всего к коммунизму и уже сливаются с партией. В этой связи особенно примечательно сходство между романом монархиста Краснова («От Двуглавого Орла к красному знамени», 1921) и «Тихим Доном» (1929) напрасно причисляемого к пролетарским писателям донского казака Шолохова². Правда, Шолохов несравненно талантливее и культурнее своего бывшего атамана, он безмерно далек от пышной тривиальности, наполняющей роман Краснова. Оба романа интересны, однако, как отголоски композиционных приемов «Войны и мира» в современной литературе. Смысл этих приемов у Толстого состоит в развенчании истории, во-первых, через снижение исторических личностей до и ниже уровня обыкновенных смертных и, во-вторых, через подчеркивание «вечного возвращения» жизни, что отрицает качественно изменяющую силу истории. «Война и мир», по существу, не исторический, а антиисторический роман, и созданная Толстым форма не годится ни для конкретного изображения эпохи во всем ее разнообразии, ни для объяснения исторического процесса иначе как в антиисторическом смысле. Убожество генерала Краснова (и, возможно, его мания величия) состоит, между прочим, в том, что он взял толстовскую форму за образец для подражания, тогда как его собственная задача была совершенно антитолстовской: весь его роман выстроен вокруг проблемы, как можно было бы предотвратить революцию!

Напротив, Шолохов подсознательно находится ближе к Толстому, и «Тихий Дон» в своем «эпическом» течении действительно родственен «Войне и миру» как роману «деревенскому», стихийному, отрицающему возможность улучшения мира. Но Шолохов столь же далек от Толстого, как Краснов от Шолохова. Ему также не удалось привести антиисторическую подоплеку в гармонию с историческим материалом. У Толстого план абсолютно целостен, он сознательно преследует цель опорочивания исторического посредством неисторического. У Шолохова царит непримиримое противоречие между замыслом и стихийным подсознанием. Всем своим сознанием он на стороне революции, которая разрушает эпическое бытие его казаков. Но в своей «глубине» он целиком на стороне бытия, и рево-

люция в его изображении остается безжизненным и неорганичным придатком на антиисторическом фоне. Только те моменты революции, которые глубже всего коренятся в бытии, выходят у Шолохова ярко и убедительно, как, например, великолепный, глубоко запоминающийся образ становящегося большевиком казака Подтелкова. «Тихий Дон» – это роман мелкобуржуазного попутчика революции, которого влечет к себе дело пролетариата, но который всем сердцем живет в «вечных» категориях «надреволюционной» деревни, подобно тому как Толстой сознательно живет в «надысторических» категориях дворянско-крестьянской деревни.

Иные настроения, рожденные революцией, проявляются в произведениях М. Алданова, любимого автора образованной части эмиграции. В основу его романов лежит развенчание и снижение исторических личностей, особенно выдающихся революционеров, и утверждение тезиса: *plus a change, plus a reste la m me chose*³. Однако это настроение вызвано не почвенническим биологизмом Толстого и Шолохова, а придиричивым недовольством буржуа, деклассированного революцией, из-за ее плебейской неучтивости. Скептическое презрение – единственное достойное умного человека отношение к истории, особенно к ее революционным эпохам. Обратная сторона этого презрения – идеализация «реалистов» и циников в политике, каковы Талейран или директор царского департамента полиции («Ключ»). Эта линия порой связана у Алданова со специфическим буржуазно-эмигрантским прославлением поверженной империи, которую в свое время, увы, недооценивали.

Понятие «история» содержит два компонента: движение и прошедшее. Если романы Алданова имеют дело с первым, показывая, будто это движение в качественном отношении однотипно и не ведет ни к каким изменениям, то советский исторический роман в своих наиболее талантливых проявлениях обращается не столько к движению, сколько к прошлому с его очевидным отличием от современности. К прошлому в его очевидном отличии от современности был обращен и исторический роман символистов, у которых он служил задаче найти «другие миры», эстетически более приемлемые, чем современность. В этом сказались страх перед действительностью и слабеющие жизненные силы предреволюционной буржуазии. Бегство современных писателей в прошлое обусловлено не декадентским *taedium vitae*⁴, а объективным вытеснением старой буржуазной интеллигенции из настоящего. Это вытеснение, конечно, нельзя представлять себе как чисто внешнее – вроде некоей директивы, согласно которой немарксисты не смеют писать о современности. Это просто

следствие подлинной культурной победы рабочего класса и сливающейся с ней партийной интеллигенции во всех сферах сегодняшней жизни. Поскольку для писателя из старой интеллигенции по социальным причинам невозможно влиять на современность, он теряет также чисто созерцательную власть над нею и вытесняется на позицию, предопределенную для него его литературной образованностью, — в прошлое литературы.

Так в советской литературе за последние пять-шесть лет образовалась самостоятельная отрасль, поставляющая чтение для старой интеллигенции и живущая литературно-историческим материалом. Она включает различные формы литературного монтажа, более или менее романизированные биографии и, в качестве наиболее изысканной формы — литературно-исторический роман. То, что это не просто исторический, а именно литературно-исторический роман, и то, что он опирается на всю литературно-историческую литературу, в высшей степени характерно для положения непролетарской литературы в обществе строящегося социализма. Теряя почву в реальной действительности, старая, в принципе буржуазная, интеллигенция замыкается в самой себе. Последыши «великой русской литературы», то есть дворянско-буржуазной литературы, поворачиваются к тому великому времени, когда эта литература была восходящей силой настоящего и будущего. Не случаен и неизменно повторяющийся выбор эпохи — первая половина правления императора Николая I. В авторском подсознании Кюхельбекер, Грибоедов, Пушкин, Лермонтов в когтях николаевского царизма символизируют самих авторов, которым в социалистическом государстве не приходится наслаждаться внутренней, присущей их классу свободой («свобода», по Гегелю, «состоит в том, чтобы не желать ничего, кроме себя»⁵). Идентифицируя себя со своими героями, писатели неосознанно встают против пролетарской власти.

Этот субъективный момент невольно искажает историческую достоверность в этих романах. Будучи представителями обреченного на смерть, в сущности, уже умершего класса, авторы не в состоянии сопереживать настроениям восходящего класса. Все эти романы — это романы гибели и безнадежности. Потому и предпочитают эти романисты период с 1825 по 1840 гг., что это была эпоха, когда поступательное движение русской буржуазно-дворянской культуры было «всерьез и надолго» остановлено «железной зимой» (Тютчев) николаевского режима. Это временное препятствие в развитии буржуазии используется, однако, затем, чтобы символизировать окончательную агонию буржуазной культуры, что ведет к неверному освещению изо-

бражаемой эпохи. В этом отношении особенно показательной представляется «Смерть Вазир-Мухтара» Тынянова, очевидный шедевр всей школы. Тынянов — историк умный и зоркий, он отлично постигает трагизм социального предательства в жизни Грибоедова, который изменил своей либеральной молодости и поступил на службу царизму. В то же время Грибоедов изображен как обломок ушедших поколений, переживший свой век и не понимающий века нового. Остается не эксплицированным, что Грибоедов, в сущности, — человек не только вчерашнего, но и завтрашнего дня, тогда как подхалимы Николая, которых он, Грибоедов, в исторической перспективе победил, — это преходящее сегодня. Вступая в их партию, Грибоедов предает не только свое прошлое, но и будущее — свое и своего класса.

Романам Тынянова принадлежит центральное место в формировании литературно-исторического романа как особого жанра. Выработанная им форма послужила образцом для целой школы подражателей. К особенностям этой формы относятся: во-первых, обращение к историческим фактам при минимальном участии вымысла; во-вторых, построение повествования на основе чередования отдельных эпизодов и в смысловом отношении законченных сцен, которые не связаны между собой никакими повествовательными переходами. Выработанная Тыняновым манера роднит литературно-исторический роман его с «литературным монтажом» — следующей формой развития того же литературного типа (впрочем, хронологически это не совсем верно: первый тыняновский роман, «Кюхля», появился уже в 1925 г.⁶, незадолго до первой попытки чистого литературного монтажа — вересаевского «Пушкина в жизни»⁷). С одной стороны, эта форма (через устранение вымысла) сближается с левовской идеей «литературы факта», с другой — с техникой кино. Таким образом, она представляет собой периферийное отражение искусства технической интеллигенции, в то время как содержание литературно-исторической литературы выдает в качестве непосредственного источника наименее технический слой технической интеллигенции — историко-филологический.

Выработанная Тыняновым форма обладает явным сходством с методом «*peep show*», который Толстой применил в «Хаджи-Мурате». У Толстого отдельность эпизодов была выражением его этического формализма, который пришел на смену жизнеутверждающей непрерывности «Войны и мира»; она выражала замену биологического утверждения помещицкой жизни ее рационалистическим отрицанием. Конструктивный формализм «Хаджи-Мурата» бросается в глаза: художественный материал совершенно отчетливо скомпо-

нован по принципу замкнутой кривой («бумеранга»), с очевидным кульминационным пунктом (сцена у Николая I) и возвращением к исходному пункту. Замечательна эта несопоставимо большая формальная ясность реалиста Толстого в сравнении с формалистом Тыняновым. Она соответствует подлинной близости старика Толстого к «народной литературе» (то есть крестьянской), всегда прозрачной формально. В то же время контраст между большим вниманием формалистов к формальной структуре чужих произведений и отсутствием подобной структуры в их собственном творчестве вообще типичен для технически высококвалифицированной, но лишенной всякой общественной цели интеллигенции. Из всех формалистов (в широком смысле слова) формальную ясность демонстрируют лишь те, кто в наибольшей степени слился с пролетарской революцией, в первую очередь Маяковский, затем работающие в более «техническом» виде искусства кинорежиссеры Эйзенштейн и Пудовкин.

У широких кругов непролетарской публики есть особые мотивы, которые влекут целый ряд писателей к историко-литературному материалу, неважно какому, — всякое прошлое для них хорошо, коль скоро оно освобождает их от революционного настоящего. Спрос на исторический роман самого различного содержания быстро вырос, и выработанная Тыняновым формула использована для этих целей писателями совершенно иного типа. Один из таких романов — «Петр Первый» Алексея Толстого⁸ — заслуживает особого внимания. То обстоятельство, что совершенно антиисторический Алексей Толстой предался историческим романам, в высшей степени показательно для владеющего непролетарскими писателями убеждения: темпы современности для них недоступны. То, что ему удалось создать подобный роман, и то, что это удалось именно ему, имеет особое значение для освещения писательской личности этого автора.

Литература дореволюционной России была буржуазной. Класс помещиков полностью истощился уже к концу XIX века. Тем не менее на общем буржуазном фоне предреволюционной литературы резко выделяются отдельные писатели, происходящие из находящегося в распадае дворянства. В первую очередь это Бунин и Алексей Толстой, которые засвидетельствовали, на разных этапах, разложение своего класса. Бунин еще тесно связан со своим классом и мучительно остро чувствует его распад. Отсюда и его парадоксальный переход от невероятно пронизательного изображения этого распада в «Суходоле» (1912) к чистому помешательству на дворянстве после революции⁹. А. Толстой вышел из до того уже разложившегося класса, что его собственной здоровой натуре не оставалось ничего другого,

как отказаться от этого класса, культурно мертвого и не способного дать ему никакого культурного наследства. А. Толстой не страдает к тому же никаким «помещичьим комплексом» и нимало не переживает, подобно Бунину, о своем классе. Он целиком принадлежит культуре мелкобуржуазной богемы предреволюционных лет. Но хотя он и совершенно порвал с помещичьей культурой, он сохраняет изумительно сочные впечатления своего детства. Эта черта оказалась у него столь сильно выраженной, что этот индивидуальный пример в определенной степени подтверждает тезис Переверзева о судьбоносной обусловленности художественного творчества первоначальной общественной средой¹⁰.

Вылазка А. Толстого в историю была бы, несомненно, столь же наивна, как и его прогулки по современности, если бы он случайно не родился в конце долгой исторической формации и не жил в эпоху, абсолютно чуждую среде, из которой он вышел. Буржуазно-пролетарский современный мир он может принимать лишь с непосредственной первобытной наивностью, но в прошлом крепостной России он узнает тот с детства знакомый мир, в котором он чувствует себя свободно. В «Петре Первом» он воспринимает Россию конца XVII в. так же, как и Россию конца XIX в., последние годы которой он еще застал. «Петр Первый» — это роман о крепостной России в состоянии кризиса и разложения. Юность Петра была временем кризиса и частичного упадка определенной стадии крепостного общества; конец XIX в., который Толстой знает непосредственно, был временем завершающего кризиса и окончательного разложения целой формации. И потому оправдан его поход в «старую Россию» Милославского, Нарышкина, Лопухина, для изображения которой он щедро пользуется образами, хорошо знакомыми с детства.

Для сбора материала ему оказался полезным покойный П. Щеголев¹¹. Но, честно говоря, он мало ему помог. В результате получилась мешанина из довольно беспомощной, механической архаизации и легкомысленных анахронизмов, временами смахивающая на сознательную оффенбахиаду. Историческая концепция эпохи, как и следовало ожидать, также получилась весьма пестрой. Заметно влияние Покровского, подчеркивается зависимость Петра от иностранного торгового капитала; некоторые сцены в историческом отношении удачны. Совершенно непроясненным остается, однако, вопрос: против чего, собственно, борется Петр, откуда взялись, собственно, те упрямство и косность, которые связывают общим делом Нарышкиных и Лопухиных со стрельцами? Напротив, превосходно все, что касается изображения крепостнической России на пороге великих по-

трясений. Все пронизывающая атмосфера крепостничества и развал системы переданы с убедительной силой. Особенно пронзительно (что типично для сына эпохи кризиса и разложения) описано текущесть этой жизни, скитания бесчисленных деклассированных рабов в стенах расшатанной тюрьмы.

Много сказано и написано¹² о контрасте между образом Петра в этом романе и образом того же самого Петра в более раннем произведении А. Толстого («День Петра»)¹³, созданном в 1917 году. В «Дне Петра» Петр — это жестокий и безумный зверь, в котором нет ничего человеческого; в «Петре Первом» — это наивный мальчик с сильным чувством неполноценности по отношению к иностранцам; человек добросердечный, полный добрых намерений, восприимчивый, но ленившийся думать и не уверенный в своих поступках. Он необычайно симпатичен и, как это ни странно, изображается с той теплотой, которую писатели обычно берегут для автобиографических персонажей. В нем можно было бы увидеть своеобразную транспозицию личности автора в довольно удивительное окружение. «Петр Первый», без сомнения, роман субъективный, но, в отличие от тыняновских романов, он субъективен неактуально, без какого бы то ни было отношения к современности. Наличие у А. Толстого ярко выраженной позиции по отношению к современности вызывает сомнения, и во всяком случае то обстоятельство, что подобной тенденции в его романе нет, следует считать преимуществом, — это спасает его от легкой и достаточно банальной параллели между Петром и большевиками.

Опубликовано в: D. Sv'atopolk-Mirskij. Der Russische Historische Roman der Gegenwart // Slavische Rundschau. 1932. Bd. 4. S. 10–17.

¹ Салиас-де-Турнемир Евгений Андреевич, граф (1840–1908) — автор многочисленных исторических и приключенческих повестей и романов.

По поводу романа «Пугачевцы» (1874) А.И. Введенский заметил, что «критика поставила в упрек графу Салиасу, между прочим, то, что он является не только последователем, но и рабским подражателем графу Льву Толстому» (*Введенский А.И. Современные литературные деятели. IV. Граф Евгений Андреевич Салиас // Исторический вестник. 1890. Август. С. 387*).

² Отметим, что вскоре после публикации статьи Мирского Краснова и Шолохова сравнивал Г.В. Адамович: «“Тихий Дон” не раз уже сравнивали с “Войной и миром”. Шолохова называли последователем и учеником Толстого. Кое-что от Толстого у него, действительно, есть, но чем пристальнее вглядываешься, тем сильнее убеждаешься, что это — только оболочка толстовского искусства... Да, “roman-fleuve”. Но Толстой им управляет, он нас

самых, читателей, уносит на его волнах. А Шолохов не в силах поток сдержать. Третий том “Тихого Дона” сбивается на откровенную бестолочь: автор больше не знает, что, куда, к чему, и в поисках спасения цепляется за “руководящую” коммунистическую идейку. Мысль могла бы помочь ему. Но мысли у Шолохова нет. Мне вспоминается не Толстой, а совсем другой писатель, которого, кстати, с Толстым у нас тоже сравнивали. О нем в “Тихом Доне” довольно много говорится, как об одном из участников гражданской войны. Это – генерал Краснов. Читатели, пожалуй, заподозрят меня в склонности к парадоксам... Напрасно! На основательности сравнения я настаиваю. Краснов – дурной писатель, конечно. Он во всех отношениях Шолохову уступает. Но характер и дух его писаний – шолоховский. Притом таланта у него отрицать нельзя» (*Адамович Г.* Шолохов // Последние новости. 1933. 24 августа. № 4537. С. 3).

Вскоре это сравнение вызвало к жизни целую книгу: *Понов К.* «Война и мир» и «От двуглавого орла к красному знамени». Париж, 1934.

Адамович не упоминает имени Мирского, но заочный диалог с ним весьма вероятен. См.: *Коростелев О.А., Ефимов М.В.* Г. Адамович и Д. Святополк-Мирский: К вопросу о типологии литературной критики русского зарубежья 1920-х гг. (в печати).

³ чем больше перемен, тем меньше изменений (франц.; букв.: чем больше что-то меняется, тем больше остается прежним).

⁴ отвращение к жизни (*лат.*).

⁵ Именно так эту фразу цитирует Г.В. Плеханов в работе «Основные вопросы марксизма» (1908). У Гегеля: «Nichts zu wollen als sich, Nichts zu wollen als die Freiheit» («Ничего не желать кроме себя, ничего не желать кроме свободы»).

⁶ *Тынянов Ю.* Кюхля. Повесть о декабристе. Л., Госиздат, 1925.

⁷ *Вересаев В.* Пушкин в жизни. Характер – Настроения – Привычки – Наружность – Одежда – Обстановка. Систематический свод подлинных свидетельств современников. Вып. 1–4. М.: Недра, 1926–1927.

⁸ Первые публикации романа (первоначально – «повести») А.Н. Толстого «Петр Первый» появились в 1929–1930 гг.: главы первой книги публиковались в журналах «Красная Нива» (1929. № 15), «Красная панорама» (1929. № 15–16), «Стройка» (1930. № 5); первая книга опубликована в журнале «Новый мир» (1929. № 7–12; 1930. № 1–7); первое отдельное издание первой книги: М.: Прибой, 1930.

⁹ См.: *Ефимов М.В.* К рецепции творчества И.А. Бунина в эмиграции: Д.П. Святополк-Мирский // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 6. С. 44–57.

¹⁰ Переверзев Валерьян Федорович (1882–1968) – советский литературовед, один из ведущих представителей «социологического метода» в литературоведении. В 1929–1930 гг. метод был подвергнут критике, Переверзев и его ученики обвинялись в ревизии марксизма («переверзевщина») (см., напр.: *Малахов С.* Переверзевщина на практике: критика теории и практики.

М.; Л.: ГИХЛ, 1931); в 1938 г. Переверзев был репрессирован и до 1956 г. находился в лагерях и ссылке.

¹¹ Щёголев Павел Елисеевич (1877–1931) – историк литературы и общественного движения, пушкинист, соавтор А.Н. Толстого, с которым они общались в 1920-х гг., уже после возвращения Толстого из эмиграции. Сам Толстой (в «Автобиографии», в ответах на анкету «Как мы пишем») своим консультантом назвал только «покойного историка В.В. Каллаша»: «В новой работе мне много помог покойный историк В.В. Каллаш. Он познакомил меня с архивами, с актами Тайной канцелярии и Преображенского приказа, так называемыми делами “Слова и дела”» (*Толстой А.Н.* ПСС: В 15 т. М., 1946–1953. Т. 1. С. 85).

¹² Известны слова самого Толстого: «Несомненно, что эта повесть написана под влиянием Мережковского» (*Толстой А.Н.* ПСС: В 15 т. Т. 13. С. 494, 495).

¹³ Впервые: *Толстой А.Н.* День Петра. Рассказ // Скрижаль: Сборник первый. 1918. С. 185–216.

Хроника культурной жизни. Англия (1929)

Английские переводы из русских классиков за последнее время: «Капитанская дочка» Пушкина (перевод Натали Даддингтон, предисловие Эдварда Гарнета. Dent¹), «Герой нашего времени» Лермонтова (перевод Р. Мертона, предисловие Д.С. Мирского, Philip Allan²), «Миргород» Гоголя (перевод Констанции Гарнет; Chatto and Windus³). Анонимный отзыв о последней книге в литературном приложении к «Таймс» (Times Literary Supplement) от 29 ноября – лучшее, что написано о Гоголе по-английски⁴. В издательстве «Chatto and Windus» вышел том избранных рассказов Чехова в переводах Гарнетт⁵.

Из произведений современных русских писателей: «Страна детей» Гусева-Оренбургского⁶, «Дневник Кости Рябцева» Н. Огнева в переводе А. Верта⁷; «Чертов мост» Алданова в переводе А<льфреда> Э<дварда> Шамо⁸; «Понять – простить» генерала Краснова⁹.

По случаю Толстовского юбилея издательство Оксфордского университета (Oxford University Press) выпустило четыре тома полного собрания сочинений Толстого. Собрание подготовило «Толстовское общество», которое, собственно, для этого и было создано. Перевод осуществлен Луизой и Эймлером Модами¹⁰. В уже вышедшие тома вошли: «Детство, отрочество и юность» со вступительным словом профессора Йельского университета У.Л. Фелпса¹¹; драматические сочинения с предисловием драматурга Харли Гренвилл-Баркера¹² и редактора Эймлера Моде, народные рассказы, от «Кавказского пленника» до «Воскресения» с предисловием Г.Дж. Уэллса

(т. 19). Это предисловие весьма любопытно и содержит утверждение исключительно одного положения — каким плохим писателем был Толстой: даже лучшие строки «Воскресения» не поднимаются до уровня Голсуорси. Все предисловие являет собой неслыханное бесстыдство.

То же Толстовское общество организовало три представления «Власти тьмы» и «Плодов просвещения»¹³. ПЕН-клуб дал обед в честь Толстого. Вся литературная пресса о Толстом потребовала особого юбилейного обзора. «Slavonic Review» посвятил Толстому специальный выпуск¹⁴.

Издательство Голланца (Gollancz) выпустило дневники писательских жен: С.А. Толстой в переводе А. Верта¹⁵ и А.Г. Достоевской — переведенные с немецкого языка¹⁶.

Из переводов, лежащих за пределами собственно литературы, стоит упомянуть: «Ленинизм» Сталина¹⁷, «Мир как органическое целое» Лосского (в переводе Н. Даддингтон, в издании Оксфордского университета)¹⁸, «Китайские боги богатства» В.М. Алексеева (Институт востоковедения)¹⁹, «Биологическая основа эволюции музыки» И.И. Крыжановского (издание Оксфордского университета)²⁰. Следует еще упомянуть вышедшую в Праге по-английски монографию А.И. Анисимова об <иконе> Владимирской Божьей матери (в переводе княгини Яшвилъ²¹ и Т.Н. Родзянко²², издательство Кондаковского семинара)²³.

Крупный успех выпал на долю романа Э. дю Кудрэ «Другая страна» (издательство «Аллэн») ²⁴. «Э. дю Кудрэ» — псевдоним, под которым скрывается русская. Критика отмечает мастерство писательницы в развертывании действия, а также обрисовку характеров. В романе самым уничижительным образом описана жизнь русских эмигрантов на острове Мальта в 1919–1920 гг.

Единственная книга о русской литературе — это книга о Достоевском Майер-Грефе²⁵, но, впрочем, как и всегда, в книгах, посвященных литературе, речь часто заходит о русских писателях. Так, в «Структуре романа» Эдвина Мюира много места уделено анализу «Идиота» и «Войны и мира»²⁶.

«Крайтерион» («Criterion»), орган Т.С. Элиота, регулярно размещает на своих страницах обзоры русской прессы, как советской, так и эмигрантской²⁷. В Литературном приложении к «Таймс» от 26 апреля помещена передовая статья о марксистской критике²⁸.

В театре «Апполон» («Apollo») сыграли «Латунное пресс-папье» Ф. Комиссаржевского, переработку для сцены «Братьев Карамазовых»²⁹. В инсценировке сделана попытка избавиться от всего идеоло-

гического содержания романа и воплотить исключительно его мелодраматический сюжет. Полный провал.

В «Кинообществе», или обществе для «частного» проката фильмов, запрещенных цензурой или малоперспективных в коммерческом отношении, 21 ноября показали «Мать» Пудовкина³⁰ по одноименному роману М. Горького. И в обычной, и в сугубо кинематографической прессе появилось множество, главным образом, восторженных откликов. «Интернационал» был заменен во время показа на «Марсельезу».

Оубл.: D.S.M. England // Slavische Rundschau. 1929. Bd. 1. №. 1–2. S. 112–114.

¹ *Pushkin A. The captain's daughter / Transl. from the Russ. by Natalie Duddington. With an introd. by Edward Garnett. London: Dent a. Sons, 1928.*

² *Lermontov M. A hero of our time / Transl. by Reginald Merton. With a foreword by D.S. Mirsky. London: Allan, 1928.*

³ *The Works of Nikolay Gogol. 6 vols / Transl. by Constance Garnett. London: Chatto and Windus, 1922–1928. Vol. 6. Mirgorod (1928).*

⁴ *[Charques R.D.] Nikolay Gogol // Times Literary Supplement. 1928. November 29. № 1400. P. 930.*

⁵ Какое именно издание имеет в виду Мирский, не вполне ясно. В 1928 г. в «Chatto and Windus» вышел том пьес Чехова «The Cherry Orchard and Other Plays» в переводе К. Гарнетт. В том же 1928 г. рассказы Чехова в переводе К. Гарнетт выпустило нью-йоркское издательство Макмиллан (*The Tales of Chekhov: The Darling and Other Stories, by Anton Chekhov. Transl. by Constance Garnett. New York: Macmillan, 1928*). Издательство «Chatto and Windus» выпустило в 1916–1923 гг. 13 томов рассказов Чехова; тома назывались по одному из включенных в их состав рассказов: *The Tales of Chekhov. 13 vol. London: Chatto and Windus, 1916–1923* (см.: *Encyclopedia of Literary Translation into English. Vol. I. A–L. Ed. Olivi Classe. London: Taylor & Francis, 2000. P. 268–269*). Мнения о переводческом мастерстве К. Гарнетт расходятся: «У нее часто пропадает чеховский юмор и недосказанность, хотя она, бесспорно, сыграла главную роль в ознакомлении англоязычных стран практически со всеми важными русскими писателями» (*Encyclopedia of Literary Translation... P. 271*). К. Гарнетт была известна своей переводческой продуктивностью: в ее переводах с русского на английский опубликованы 17 томов Тургенева, 6 томов Л. Толстого, 12 томов Достоевского, 13 томов Чехова, 6 томов Гоголя (см.: *Simon Sh. Gender in Translation. Cultural Identity and the Politics of Transmission. London; New York: Routledge, 2003. P. 66*). Чехов в переводах Гарнетт продолжает переиздаваться и поныне.

⁶ *Gusev Orenburgsky S. The Land of the Children, (Novel). New York: Longmans, Green and Co., 1928.*

⁷ *Ognyov N. A Diary of a Communist Schoolboy / Transl. by Alexander Werth. London: Gollancz, 1928.*

⁸ Aldanov M. *The Devil's Bridge* / Transl. by A.E. Chamot. New York: A.A. Knopf, 1928.

⁹ Krasnov P.N. *The unforgiven*. New York: Duffield and Company, 1928.

¹⁰ Мод Эйлмер (Aylmer Maude; 1858–1938) – английский писатель, переводчик, в 1874–1897 гг. жил в России. Принадлежал к британскому землячеству в Москве, сотрудничал с компанией «Мюр и Мерилиз». Женился в 1884 г. на Луизе Шанкс, англичанке, родившейся в Москве. В 1888 г. познакомился с Л.Н. Толстым, с которым переписывался вплоть до 1910 г.

Мирский в 1925 г. рецензировал подготовленную Э. Модом книгу (*Mirsky D.S. Tolstoy on Art*. By Aylmer Maude. Oxford University Press. (Humphrey Milford.) 17s. 6d. net. // *The Slavonic Review*. 1925. Vol. 3. № 9. P. 739–740). Рус. перевод: *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. С. 110–111.

¹¹ Фелпс Уильям Лайон (William Lyon Phelps; 1865–1943) – американский писатель, филолог, литературный критик. Автор, среди прочего, книги «Essays on Russian Novelists» (New York: The Macmillan Company, 1911), содержащей очерки о Гоголе, Тургеневе, Достоевском, Толстом, Горьком, Чехове, Арцыбашеве, Андрееве, Куприне. Преподавал в Йельском университете, разработал первый в Америке университетский курс, посвященный современному роману.

¹² Гранвилл-Баркер Хэрли (Harley Granville-Barker; сценическое имя: Granville Barker; 1877–1946) – английский режиссер, театральный продюсер, критик, драматург.

¹³ Оба спектакля шли в «Arts Theater Club»: премьера «Власти тьмы» («The Power of Darkness») в постановке Майкла Орма (Michael Orme) состоялась 30 октября 1928 г., а «Плодов просвещения» («The Fruits of Enlightenment»), поставленных У. Китом Моосом (W. Keith Moos), 2 ноября 1928 г.

¹⁴ Мирский был составителем и редактором специального приложения, посвященного 100-летию со дня рождения Л.Н. Толстого «The Slavonic and East European Review» (1929. Vol. 7. № 20). В него вошли следующие работы: Leo Shestov. Tolstoy's «Memoirs of a Madman» (Two Chapters from «The Revelations of Death») (перевод Камиллы Ковентри (Camilla Coventry). P. 465–472); Alexey Remizov. The Miraculous in Tolstoy (P. 473–474); Aylmer Maude. Recollections of Tolstoy (P. 475–481); M.A. Aldanov. Some Reflections on Tolstoy and Tolstoyism (P. 482–491); P. Pavlov. Tolstoy's Novel «Family Happiness» (P. 492–510).

Мирский опубликовал в этом номере рецензию: *D.S.M. The Works of Leo Tolstoy* (Vol. 3, Childhood, Boyhood and Youth, with an Introduction by William Lyon Phelps; Vol. 13, Twenty-Three Tales, with an Introduction by Madeline Mason-Manheim; Vol. 17, Plays, with an Introduction by Harley Granville-Barker; Vol. 19, Resurrection, with an Introduction by H. G. Wells), translated by Mr. and Mrs. Aylmer Maude. For the Tolstoy Society, Oxford University Press // *The Slavonic and East European Review*. 1929. Vol. 7. № 20. P. 511. Русский перевод: *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. С. 200.

¹⁵ The diary of Tolstoy's wife, 1860–1891 / Translated from the Russian by Alexander Werth. London: Gollancz, 1928.

¹⁶ The diary of Dostoyevsky's wife / Edited by Ren F1p-Miller and Dr. Fr. Eckstein; translated from the German edition by Madge Pemberton. London: Gollancz, 1928.

¹⁷ *Stalin J. Leninism* / Transl. by Eden and Cedar Paul. London: G. Allen & Unwin, 1928. Перевод брошюры 1926 г. «Вопросы ленинизма»; в Германии в немецком переводе вышла годом раньше.

¹⁸ *Lossky N.O. The world as an organic whole* / Translated from the Russian by Natalie Duddington. Oxford University Press, 1928.

¹⁹ *Alekseev V.M. The Chinese Gods of Wealth: A Lecture delivered at the School of Oriental Studies, University of London, 26th of March 1926.* London: School of Oriental Studies and The China Society, 1928. Василий Михайлович Алексеев (1881–1951) – русский советский китаист. В марте 1926 г. читал лекции в Институте востоковедения (School of Oriental Studies) Лондонского университета. Мирский упоминает одну из прочитанных лекций, изданную отдельной брошюрой.

²⁰ *Kryzhanovsky I.I. The biological bases of the evolution of music.* Translated from the author's unpublished manuscript by S.W. Pring. Oxford University Press, 1928.

Крыжановский Иван Иванович (1867–1924) – российский физиолог, композитор, музыковед. Получил медицинское образование; с 1901 г. работал в Санкт-Петербургском медицинском институте, в том числе под руководством И.П. Павлова. Изучал, в частности, физиологические аспекты музыкальной деятельности, читал специальные курсы в этой области, в 1922 г. опубликовал монографию «Физиологические основы фортепианной техники». Итоговый труд Крыжановского «Биологические основы развития музыки» остался по-русски в рукописи, однако С.У. Принг выполнил его перевод на английский. В 1900 г. окончил Санкт-Петербургскую консерваторию по классу композиции Н.А. Римского-Корсакова. Под руководством Крыжановского занимался теорией музыки Н.Я. Мясковский, посвятивший ему свою Первую симфонию Op. 3 (1908).

²¹ Яшвилль Наталья Григорьевна, княгиня (урожд. Филипсон; 1861–1939) – русская художница (иконописец), общественная деятельница. С 1922 г., по личному приглашению президента Чехословакии Т. Г. Масарика жила в Праге. Была членом кружка акад. Н.П. Кондакова (впоследствии – «Seminarium Kondakovianum», преобразованный в 1931 г. в Археологический институт им. Н.П. Кондакова), организатором выставки «Русская икона» («Ruská ikona») (Прага, 23 апреля – 4 мая 1932 г.), прошедшей при поддержке Института им. Н.П. Кондакова.

²² Родзянко Татьяна Николаевна (урожд. княжна Яшвилль; 1892–1933) – художница, дочь Н.Г. Яшвилль, супруга Георгия Михайловича Родзянко (1890–1918), сына М.В. Родзянко, председателя IV Государственной думы.

²³ *Anisimov A. Our Lady of Vladimir. Transl. by N.G. Yaschwill and T.N. Rodzianko. Prague: Seminarium Kondakovianum, 1928.*

Анисимов Александр Иванович (1877–1937) – историк и реставратор древнерусской живописи. В 1920–1929 гг. работал в Государственном Историческом музее заведующим отделом памятников религиозного быта. В начале 1920-х гг. руководил секцией древнерусского искусства в Институте историко-художественных изысканий и музееведения. Работал в Московском НИИ археологии и искусствознания, ГАХН. В 1926 г. вместе с Н.И. Брягиным собрал выставку древнерусских икон в Европе и США (1929–1932). В 1930 г. арестован по делу о «шпионаже и вредительстве через Центральные государственные реставрационные мастерские», в 1931 г. приговорен к 10 годам лагерей. Отбывал наказание в Соловецком лагере особого назначения (Кемский лагпункт). С мая 1931 г. до середины 1932 г. работал в музее Соловецкого лагеря, реставрировал иконы, читал доклады. В 1937 г. переведен в Беломоро-Балтийский лагерь (лагпункт Кузема). В августе 1937 г. в лагере арестован, приговорен к расстрелу. Расстрелян 2 сентября 1937 г. в урочище Сандармох под Медвежьегорском.

Б.М. Кустодиев написал в 1915 г. портрет Анисимова на фоне древнерусской архитектуры (ныне – в собрании ГРМ, Санкт-Петербург). М. Волошин посвятил Анисимову стихотворение «Владимирская Богоматерь» (1929).

²⁴ Кудрэ Элен, дю (H l ne du Coudray; 1906–1971) – английская писательница, автор книг: «Another country» (London: P. Allan & Co., 1928); «Electra» (Jonathan Cape, 1933); «The brief Hour» (London: P. Allan, 1930); «Metternich» (Cape, 1935; Yale Univ. Press, 1936). В качестве ее настоящего имени называют Héléne Héroys. Родилась в Киеве, детство провела в Санкт-Петербурге. Во время Первой мировой войны вместе с родителями переехала в Финляндию, затем в Швецию, в возрасте тринадцати лет оказалась в Англии. Роман «Другая страна» написана дю Кудрэ в возрасте двадцати лет. В 1927 г. дю Кудрэ приняла участие в открытом конкурсе Оксфордского и Кембриджского университетов на лучший студенческий роман и выиграла его. Сейчас этот конкурс, поддержанный несколькими университетами и издательством «Майя Пресс» («Maia Press») и финансируемый Художественным советом Англии (Arts Council of England), носит имя Элен дю Кудрэ (Hélène du Coudray Prize). Роман «Другая страна» был переиздан в недавнее время: *Coudray H. du. Another country. London: Maia, 2003.* «Другая страна» представляет собой редкое свидетельство о мальтийской странице русской послереволюционной эмиграции. Ср.: «Присутствие на Мальте русских беженцев между 1919 и 1922 гг. представляет собой красноречивый эпизод в русско-мальтийских отношениях, который не был достаточно изучен, несмотря на наличие на Мальте многочисленных первичных источников» (Золина Е. Беженцы на Мальте в начале XX столетия // Мальта и Россия. Путешествие через века. Исторические открытия в российско-мальтийских отношениях: пер. с англ. / Сост., ред. и авт. предисл. Е. Золина. М.: ЦГО, 2005. С. 206).

²⁵ *Meier-Graefe J.* Dostoevsky: the man and his work. London: G. Routledge and Sons Ltd., 1928. Книга Юлиуса Майер-Грэфе вышла двумя годами ранее по-немецки: *Meier-Graefe J.* Dostojewski der Dichter. Berlin: Rohwolt, 1926.

Майер-Грэфе Юлиус (Julius Meier-Graefe; 1867–1935) – немецкий историк искусства, критик, писатель.

²⁶ *Muir E.* The Structure of the Novel. London: Hogarth Press, 1928.

²⁷ В журнале «Criterion» печатался и сам Мирский. См.: *Mirsky D.S.* Chekhov and the English // The Monthly Criterion. 1927. № 6. P. 292–304; *Mirsky D.S.* [Rev.] G. Fletcher. Europe's Two Frontiers: A Study of the Historical Forces at Work in Russia and America as They Will Increasingly Affect European Civilisation. London, 1930 // The Criterion. 1931. № 10. P. 534–536; *Mirsky D.S.* H.G. Wells and History – I // The Criterion. 1932. № 12. P. 1–9.

²⁸ [*Cournos J.*] Marxian Criticism // Times Literary Supplement. 1928. April 26. № 1369. P. 297–298.

²⁹ Dostoevsky F., adopted by F. Komissarzhevsky. The Brass paperweight (Brothers Karamazov). Премьера состоялась в театре «Apollo» 15 октября 1928 г.

³⁰ «Мать» – немой художественный фильм В.И. Пудовкина по сценарию Н.А. Зархи (1926).

Хроника культурной жизни. Английская россика (1930)¹

Литература. Из произведений русской классики в 1929 г. были переведены: «Пиковая дама» (Blackmore Press, с иллюстрациями Алексеева и предисловием Д. Святополк-Мирского)² и «Обломов» (Allen & Unwin, перевод Натали Даддингтон); последнее следует отнести к важным событиям, поскольку это первое полное издание романа на английском языке³. Критика почти единогласно признала этот роман первостепенным классическим произведением. Из современной беллетристики появились: «Конармия» Бабеля⁴, «Цемент» Гладкова⁵, «Растратчики» Катаева⁶, «Костя Рябцев в вузе»⁷, «Голый год» Пильняка⁸ – и два тома рассказов разных авторов: «Голубые города. Рассказы новой России»⁹, где опубликованы произведения Бабеля, Вс. Иванова, Пильняка, Ляшко, Неверова, Романова, Ал. Толстого (в переводе Дж. Дж. Роббинса и с предисловием Дж. Куница), и «Истории из Советской России» с рассказами Бабеля, Вс. Иванова, Сергеева-Ценского, Пришвина, Зошенко, Зозули и др. (в переводе Джона Курноса)¹⁰. Помимо этого, издательство «Бенн» <Венн> выпустил большую антологию русской прозы от Жуковского до наших дней¹¹. Из стихотворных переводов стоит выделить «Песню про купца Калашникова», переведенную Джоном Курносом¹², и новое издание антологии «Русская поэзия» Аврама Ярмолинского и Бабетты Дейч¹³. Книга Патрика «Народная поэзия в Советской России» («Popular Poetry in Soviet

Russia») (California University Press)¹⁴ хотя и содержит переводы стихотворений крестьянских и пролетарских поэтов, однако большую часть книги составляет вызывающе тенденциозное, прокрестьянское и антикоммунистическое предисловие.

Среди сочинений по истории литературы весьма стоящей представляется книга Дж. Куница «Русская литература и еврей»¹⁵ (Columbia University Press), где материал освещается с марксистских, хотя и не всегда последовательных позиций. Появились и новые тома биографических материалов о Толстом и Достоевском: «Новые письма Достоевского» в переводе С. Котелянского¹⁶ и продолжение дневников С.А. Толстой за девяностые годы¹⁷. К значительным относится также глубокий и всесторонний обзор Хантли Картера о советском театре, с приложениями, касающимися кино и радио¹⁸. Из области истории музыки достоин упоминания перевод книги «Русские композиторы» Леонида Сабанеева¹⁹.

Из книг по истории России упоминания заслуживает лишь «История России» Г. Вернадского (Yale University Press)²⁰, сокращенный вариант его «Начертания русской истории»²¹, к которому приложен чисто публицистический очерк новейшей истории России и Советского Союза; еще можно отметить принадлежащую Стивену Грэму биографию Петра Великого²². Среди многочисленных изданий о Советском Союзе выделяется серьезным подходом к исследуемому предмету «Гражданское обучение в Советском Союзе» Самуэля Харпера²³ и «Советская Россия во втором десятилетии» трех американских специалистов по национальной экономике — Чейза, Данна и Тагвэлла²⁴. Чисто литературный интерес представляет собой книга американского романиста Теодора Драйзера «Драйзер смотрит на Россию»²⁵. Не лишена интереса книга известного в своем роде газетного корреспондента Диллона «Россия вчера и сегодня»²⁶.

Недавно основанное издательство Мартина Лоуренса (Martin Lawrence) развернуло бурную деятельность по ознакомлению английской общественности с современной Россией. Наряду с чисто литературно-художественными изданиями, из числа вышеупомянутых, оно начало выпуск собрания сочинений Ленина, из которого вышел пока лишь первый том (статьи до 1917 г.)²⁷. Одновременно популярным изданием были выпущены избранные сочинения Ленина²⁸.

Искусство. 18 ноября открывается выставка русской иконописи. Состав и структура выставки те же, что были в Берлине и других городах Германии: около 150 подлинных икон XIII–XIX вв. и семь великолепных копий самых ценных икон (среди них — Владимирской Божьей матери и Троицы Рублева), выполненных в московских ре-

ставрационных мастерских. Эта выставка, первая в Англии, весьма популярна у критики и у публики. Самый влиятельный английский художественный критик, Роджер Фрай²⁹, прежде весьма скептически настроенный по отношению к русской иконописи, признал ее подлинную оригинальность, самобытность и совершенство. Составленный им альбом русских икон выйдет в течение нынешнего года.

Кино³⁰. В 1929-ом году продолжало возрастать влияние советского кино. Главную роль в ознакомлении любителей кино с новыми достижениями советской киноиндустрии играло Кинообщество. Демонстрация советских фильмов, начавшаяся осенью 1928 г. с «Матери» Пудовкина³¹, продолжилась с начала нового года еще двумя фильмами Пудовкина, «Конец Санкт-Петербурга»³² и «Кровать и диван»³³. Во время первого показа первого из вышеназванных фильмов Пудовкин присутствовал лично, и после просмотра картины сделал доклад об основах своего киномастерства. Его книга о технике кино — «Пудовкин о технике фильма» вышла осенью в переводе Айвора Монтегю в издательстве Голландца³⁴. Осенний сезон Кинообщества прошел под знаком Эйзенштейна; кинопоказ начался с демонстрации «Потемкина» и, между прочим, в полной версии, в отличие от дозволенного в Германии³⁵. В рассматриваемый год «Живой труп» с Пудовкиным в роли Феди оказался единственным советским фильмом, который отважились выпустить в официальный прокат³⁶. Ежемесячный журнал «Close Up»³⁷, орган прогрессивных кинематографистов, уделяет много места советскому кино. В одном из последних номеров помещены кадры из фильмов Довженко «Арсенал» и Эрмлера «Обломок империи»³⁸.

Театр. В начале 1929 г. была поставлена «Ржавчина» Киришона и Успенского³⁹, но не имела успеха. Осенью был возобновлен спектакль «Три сестры» в постановке Ф. Комиссаржевского⁴⁰, и, в первый раз, вырастая из студенческого спектакля, была поставлена «Гроза» Островского⁴¹.

Опубликовано в: D.S.M. Englische Rossica [Kulturchronik] // Slavische Rundschau. 1930. Februar. Bd. 2. № 2. S. 158–159.

¹ Под английской россижкой Мирский понимает россику англоязычную, англо-американскую и, сообщая о новейших книгах, касающихся России, не делает различий между изданиями, выпущенными в Великобритании и США. Кроме того, заметно, что Мирского интересует не столько «россика», сколько «советика» — художественная литература из СССР, книги о новом государстве, в том числе по политэкономии, кинопродукция и советские пьесы на британской сцене. В обзоре французской россики, помещенном

вслед за «Хроникой» Мирского, упор делается главным образом на русскую классику во французских переводах.

² *Pushkin A.S. The Queen of Spades / Transl. by J.E. Pouterman and C. Bruerton, engravings in colour by A. Alexeieff, preface by Prince D. Sviatopolk-Mirsky. London: The Blackmore Press, 1928. Предисловие Мирского: Р. XI–XVIII; рус. перевод: Мурский Д. О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. С. 179–181.*

³ *Goncharov I. A. Oblomov. Transl. by Natalie A. Duddington. New York: Macmillan, 1929.*

⁴ *Babel I. Red Cavalry / Trans. N. Helstein. New York: Knopf, 1929; Babel I. Red Cavalry / Trans. J. Harland. London: Knopf, 1929. Как указывает Э. Сихер, это один и тот же перевод, хотя в нью-йоркском и лондонском изданиях указаны разные переводчики, а также различается пагинация (Checklist of the works of Isaak Babel' (1894-1940) and translations. Compiled by Efraim Sicher. P. 16; <https://web.stanford.edu/~gfreidin/Publications/babel/BABEL2.pdf>).*

⁵ *Gladkov F. Cement / Translated from the Russian by A.S. Arthur and C. Ashleigh. London: Martin Lawrence, 1929.*

⁶ *Kataev V. The Embezzlers / Translated by Leonide Zarine, with an introduction by Stephen Graham. New York; London: MacVeagh; The Dial Press, 1929.*

⁷ *Ognyov N. A Diary of a Communist Schoolboy. Transl. by Alexander Werth. London: Gollancz, 1928.*

⁸ *Pilniak B. The Naked Year. Trans. Alec Brown. New York: Payson & Clarke, Ltd., 1928.*

⁹ *Azure Cities: Stories of New Russia. Ed. J. Kunitz. London: Modern Books, 1929. В книгу были включены следующие произведения: Tolstoy A. Azure cities; Ivanov Vs. The baby; Neverov A. Marya the Bolshevik; Shishkov V. Cranes; Volkov M. The miracle; Romanov P. Black fritters; Seifullina L. The old woman; Pilniak B. The law of the wolf; Babel I. The letter; Zoshchenko M. Gold teeth; Liashko N. The song of the chains; Shaginian M. Three looms; Lidin V. Youth.*

¹⁰ *Short Stories out of Soviet Russia. Compiled by John Cournos. New York: E.P. Dutton & Co., 1929. В книгу были включены следующие произведения: Cournos Leonid. Ivan's misadventure; Tolstoy A. The affair on the Basseynaya; Tolstoy A. A white night; Babel I. The letter; Babel I. Salt; Babel I. The death of Dolgushov; Ivanov Vs. When I was a fakir; Ivanov Vs. The child; Sergeev-Tzhenyky S. The man you couldn't kill; Pilniak B. The human wind; Lidin V. Glaciers; Zozulya E. A tale about Ak and humanity; Zozulya E. The mother; Kataev V. Fellow-countrymen; Alekseev Gliob. Other eyes; Prishvin M. A werewolf of the steppe.*

¹¹ *Great Russian Short Stories / Ed. Stephen Graham. London: Benn, 1929.*

¹² *Lermontov M. A Song About Tsar Ivan Vasilyevitch and His Young Bodyguard and the Valiant Merchant Kalashnikov / Transl. John Cournos. London: The Aquila Press, 1929.*

¹³ *Deutsch B., Yarmolinsky A. Russian Poetry, 2 vols. New York, 1929.*

¹⁴ *Popular Poetry in Soviet Russia / Ed. George Z. Patrick. Berkeley: University of California Press, 1929.*

¹⁵ *Kunitz J.* Russian literature and the Jew; a sociological inquiry into the nature and origin of literary patterns. New York: Columbia University Press, 1929. О книге Кьюница см.: *An Anthology of Jewish-Russian Literature: Two Centuries of Dual Identity in Prose and Poetry.* Vol. 1–2: 1801–2001 / Ed. Maxim D. Shrayer. New York, 2007. Vol. 1. P. XLII.

¹⁶ *New Dostoevsky Letters* / Transl. from the Russian by S.S. Koteliansky. London: The Mandrake Press, 1929.

¹⁷ *Tolstoy S.* The Countess Tolstoy's Later Diary 1891–1897 / Transl. Alexander Werth. New York: Payson and Clarke Ltd., 1929.

¹⁸ *Carter H.* New Spirit in the Russian Theatre 1917–1928. London: Brentano's Ltd., 1929.

¹⁹ *Sabaneev L.* Modern Russian Composers / Transl. Judah H. Joffe. London: Martin Lawrence, 1927; New York: International Publishes, 1927.

²⁰ *Vernadsky G.* A History of Russia. New Haven: Yale University Press, 1929.

²¹ *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927. Ср. высказывание Мирского в частном письме 1927 г. о книге Вернадского: «Слабо. Я думаю, он просто довольно глуп. Единственное достоинство книги, — что она вносит некоторое количество любопытного и малоизвестного материала» (*Smith G.S.* The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. Birmingham, 1995. P. 90).

²² *Graham S.* Peter the Great: A Life of Peter I of Russia called The Great. New York, 1929. Грэм Стивен (Steven Graham; 1884–1975) — британский журналист и прозаик, путешественник; автор книг очерков о дореволюционной России и о поездке в Иерусалим с русскими православными паломниками.

²³ *Harper S.* Civic Training in Soviet Russia. Chicago: University of Chicago Press, 1928. Харпер Самуэль Нортруп (Harper Samuel; 1882–1943) — профессор русского языка и русских институций в Университете Чикаго, первый американец, посвятивший свою научную карьеру изучению России. В первые послереволюционные годы играл исключительную роль как специалист по русской революции и России.

Мирский опубликовал по-русски рецензию на книгу Харпера: [Рец.] Samuel N. Harper. Civic Training in Sov. Russia. University of Chicago Press, 1929 // Евразия. 1929. 27 июля. № 32. С. 7.

²⁴ *Soviet Russia in the Second Decade.* Edited by Stuart Chase, Robert Dunn and R.G. Tugwell of the Technical Staff of the First American Trade Union Delegation to the Soviet Union. New York: John Day Company, 1928.

²⁵ Т. Драйзер (1871–1945) был в СССР в ноябре 1927 — январе 1928. Американское издание его книги «Dreiser Looks at Russia»: ноябрь 1928 (New York: Horace Liveright); английское: 1929 (London: Constable). Русский перевод готовился в составе собрания сочинений Драйзера 1928–1930 (ЗиФ; ГИХЛ), но не появился. Фрагмент опубликован: Глазами иностранцев. 1917–1932. М.: ГИХЛ, 1932. С. 253–265. Первый полный русский перевод (пер. с англ. О. Кириченко) появился к 1998 г.: Драйзер Т. Собр. соч.: В 12 т. Т. 12: Драйзер смотрит на Россию (1928); Очерки, интервью, статьи, письма. М.: Терра-книжный клуб, 1998.

См.: Панова О.Ю., Панов С.И. «Драйзер смотрит на Россию»: к истории книги Т. Драйзера об СССР // Вестник УРАО. 2015. № 4 (77). С. 61–67.

²⁶ *Dillon E.J. Russia Today and Yesterday: An Impartial View of Soviet Russia.* London: J.M. Dent & Sons Ltd., 1929.

Диллон Эмиль Джозеф (Emile Joseph Dillon; 1854–1933) – британский писатель, журналист, лингвист (короткое время занимал место профессора санскрита и сравнительной филологии в Харьковском университете). Был русским корреспондентом «Daily Telegraph», в качестве репортера был свидетелем важнейших событий истории; дружил с С.Ю. Витте, первым браком был женат на русской (Е.М. Богачевой). Среди его книг: *Maxim Gorky: His Life and Writings.* London: Isbister & Co., 1902; *The Eclipse of Russia.* London: J.M. Dent & Sons Ltd., 1918; *Count Leo Tolstoy: A New Portrait.* London: Hutchinson & Co., 1934.

²⁷ В 1928 г. Мартин Лоуренс выпустил «Материализм и эмпириокритицизм»; в 1929 г. издательство М. Лоуренса выпустило другой по нумерации том Ленина, и содержание его было иным ср.: *Collected Works of V.I. Lenin. Vol. IV. The Iskra Period, 1900–1902. Book II.* London: Martin Lawrence Ltd., 1929. Работы 1917 г. вышли в том же году в собр. соч. Ленина, предпринятом другим издательством, ср.: *Lenin V. I. Lenin Collected Works. Vol. XX. The Revolution of 1917. Books I–II. From the March Revolution to the July Days.* Transl. Joshua Kunitz, Moissaye J. Olgin; ed. by Alexander Trachtenberg. New York: International Publishers, 1929. Издательство «International Publishers» основано в 1924 г. в Нью-Йорке А.А. Геллером (Heller) и Александром Трахтенбергом, специализировалось на издании марксистской литературы и финансировалось из СССР.

²⁸ *Selections from Lenin. Vol I. The Fight for the Programme Party Organisation and Tactics, 1893–1904.* London: Martin Lawrence, 1929.

²⁹ Редактором альбома был М. Фэрбман. Р. Фрай опубликовал в этом издании статью: *Fry R. Russian Icon-Painting from a Western-European Point of View // Masterpieces of Russian Painting,* ed. by M. Farbman. London, 1930. P. 35–58. Известно, что копия рублевской «Троицы» была создана И.А. Барановым и Г.О. Чириковым в 1926–1928 гг. к передвижной выставке «Русские иконы», проходившей в 1929–1932 гг. в Германии, Англии и США. См. об этом: *Olsufiev Y.A. The Development of Russian Icon Painting from the Twelfth to the Nineteenth Century // The Art Bulletin.* 1930. Vol. 12. № 4 (December). P. 347–373. Р. Фрай восхищался точностью копирования: «a copy of such extraordinary perfection that one felt that little had been lost» (*Fry R. Russian Icon-Painting from a Western-European Point of View.* P. 56).

³⁰ Мирский внимательно следил за развитием советского кинематографа. См.: *Mirsky D.S. The Background of the Russian Films // The London Mercury.* 1931. № 24. P. 53–64, перев. на русск. А.Б. Рогачевского: Литературное обозрение. 1993. № 5. С. 92–99; *Mirsky D.S. Books and Films in Russia // The Yale Review.* 1931. Vol. XX. № 3. P. 472–487; перепеч.: *Mirsky D.S. Uncollected writings on Russian Literature / Ed. by G. S. Smith.* Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1989. (Modern Russian Literature and Culture, Studies and Texts. Vol. 13). С. 312–327; *The Soviet Films // The Virginia Quarterly Review.* 1931. Vol. 7. № 4.

Р. 522–532; рус. перевод А.В. Подгуренко: Литературное обозрение. 1993. № 5. С. 88–92.

³¹ Мирский сообщал П.П. Сувчинскому из Лондона 18 октября 1928 г.: «В воскресенье еду на “Мать” [в] Совкино» (The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931 / Comp. and ed. by G.S. Smith. Birmingham, 1995. (Birmingham Slavonic Monographs, 26). P. 112).

³² Мирский – П.П. Сувчинскому из Лондона 5 февраля 1929 г.: «Третьего дни был на “Конце С-Петербурга”, Пудовкина. Жуже “Матери”» (The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. P. 120).

³³ «Мать» (1926) и «Конец Санкт-Петербурга» (1927) – фильмы В.И. Пудовкина. «Кровать и диван» («Bed and Sofa») – прокатное немецкое название фильма А.М. Роома «Третья Мещанская (Любовь втроем)» (1927).

³⁴ В 1929 г. в Лондоне был издан сборник избранных статей В.С. Пудовкина: *Film Technique and Film Acting: The Cinema Writings of V.I. Pudovkin*. London: Gollancz, 1929. Transl. From Russian by Ivor Montagu. Книга много раз переиздавалась (последний раз в 2014 г.); ее, в частности, высоко оценивал Стэнли Кубрик. Из книг Пудовкина наиболее известны «Киносценарий» (1926), «Кинорежиссер и киноматериал» (1926).

³⁵ Мирский писал П.П. Сувчинскому из Лондона 27 октября 1929 г.: «Сюда ждут Эйзенштейна, который открое семинарий по киноработе, который я собираюсь посещать. Film Society к его приезду хочет поставить “Потемкина”, но разрешения еще нет» (The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. P. 138). 6 декабря 1929 г. Мирский писал: «Вчера на private show видел “Октябрь” Эйзенштейна. По-моему, это лучшая изо всех виденных мною революционных фильм» (Там же. P. 150).

³⁶ «Живой труп» (Германия – СССР, 1928) – немой фильм, экранизация одноименной пьесы Л.Н. Толстого. Режиссер: Ф.А. Оцеп (1895–1949), советский, европейский (1929–1939), американский (с 1939 г.) кинорежиссер и сценарист. В роли Федора Протасова – В.И. Пудовкин.

³⁷ «Close Up» («Крупный план») – британский ежемесячный журнал, посвященный кино; издавался в 1927–1933 г., главный редактор Кеннет Макферсон. На обложке указывалось: «международный журнал, посвященный искусству кино».

³⁸ Упомянутые фильмы советских кинорежиссеров, «Арсенал» (1929) А.П. Довженко и «Обломок империи» (1929) Ф.М. Эрмлера, только что вышли на экраны.

³⁹ *Киришон В.М., Успенский А.В.* Константин Терехин (Ржавчина): [Пьеса]. М.: Гос. изд-во, 1927. В английском переводе – «Красная ржавчина» («Red Rust»). Режиссер: Фрэнк Вернон (Frank Vernon), театральная студия «Little», премьера 28 февраля 1929 г.

⁴⁰ Первая постановка «Трех сестер» Ф.Ф. Комиссаржевским в Лондоне: The Barnes Theatre, 16 февраля 1926 г. Вторая постановка: The Fortune Theatre, 23 октября 1929 г. (см.: *Allen D. Performing Chekhov*. London: Routledge, 2000. P. 162).

⁴¹ «The Storm» («Гроза»), режиссер-постановщик: Малькольм Морли (Malcolm Morley), театральная студия «Everyman», премьера 3 декабря 1929 г.